

СМЕНА

Синильный

Иванов

17

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Жили два друга

Слова Сергея ВАСИЛЬЕВА.
Музыка Я. НЕМИРОВСКОГО.

Жили да были коньки два дружка.
Да затужили — ох, дружки слегда.
Что такое — нет покоя?
На двадцатую весну
Незваной влюблице да во,
Как на грех, вдвоем в одну.

Ходят два друга вечером в саду
И смотрят оба в сторону одну.
Ходят оба, смотрят в оба
Два наглаженных дружка.
Вдруг мелькнуло за сиренью
Платье цвета василька.

Храбро два друга, давних два дружка,
Пошли вперед сразить наварняка.
— Не мешай, — один бросает.
— Стойди, — ворчит другой.
И сердито добавляет:
— Не тягайся, друг, со мной.

Сразу два друга, сразу с двух сторон
Двум русым косам — ласковый поклон.
Дескать, душенька-отрада,
Просим вас остаться тут.
Отвечает: — Очень рада,
Но меня, простите, ждут.

Не спеша. Игриво

Жи-ли да бы-ли конь-ки два друж-ка, да

да-ту, жи-ли-ог, друж-ки слегда. Что та-ко, е-нет по-ко, и? Да двад-ца-ту-ю вес-

ну, вно-ва-ой влюб-лице да во, что на грех, вдвоем в одну. И жгут.

На первой странице обложки эти кадры в детском окончении вышли с золотой медалью. Теперь они — студенты Московского высшего технического училища имени И. Э. Баумана. На снимке (слева направо): Нина Москвина, Юра Исавел, Ася Линькова, Гея Алесеева и Юра Никитин.

Фото В. Токмаки.

На второй странице обложки: фотозвод В. Сметанина. На четвертой странице обложки: мастер спорта землетопира по гимнастике Лариса Дарий (слева) тренирует ученицу детской спортивной школы Ирину Холодову.

Фото А. Моклецова.

Фото А. Моклецова.

ТВОЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Виктор КРЮЧКОВ,

секретарь Ленинского РК ЛКСМ Молдавии

Этот день не изгладится из моей памяти. Когда я вышел из райкома, мне, четырнадцатилетнему подростку, все еще как-то не верилось, что в левом кармане моей куртки лежит комсомольский билет.

Молдавский городок Калараш, утопающий в белorozовом цветении садов, был залит лучами яркого апрельского солнца. Все вокруг казалось необычно праздничным. Хотелось петь, смеяться. И в то же время я почувствовал, что стал взрослее...

Промелькнули годы, наполненные учебю, работой, исканиями.

Рядом с комсомольским билетом в моем кармане теперь лежат партийный билет. Но тот светлый, весенний день — первый день моей комсомольской юности — запомнился до мельчайших подробностей.

Сейчас я работаю секретарем Ленинского райкома комсомола в Кишиневе. Мне самому приходится вручать билеты вступающим в комсомол, и так радостно бывает видеть ни с чем не сравнимое волнение, вспыхивающее в этот торжественный момент в глазах подростка.

Комсомольский билет! О нем

сложены волнующие стихи и песни. Он символ мужества и чистоты советской молодежи. Он наше вдохновение и оружие. Комсомольский билет и с годами остается дорог, как память о беспокойной, кипучей юности.

...Напротив меня сидит девушка с пышными каштановыми волосами. Это Люба Дизенгоф — бригадир одной из комсомольско-молодежных бригад кишиневской трикотажной фабрики «Стеуа рошия». Она пришла в райком поделиться радостью: ее приняли кандидатом в члены партии. Люба спрашивает, как ей быть с комсо-

мольским билетом, неужели нужно сдать этот!

Она достает из сумочки знакомую книжечку, бережно раскрывает ее и пристально всматривается в маленькую фотографию, на которой выгладит совсем девочкой. Почему-то мне кажется, что в эти секунды в ее памяти всплывают далекие пионерские костры. А может быть, она вспоминала первые собрания, своих друзей по фабрике и вечерней школе, почетные грамоты ЦК комсомола Молдавии, альме переходящие вымпелы...

И Люба, волнуясь, говорит:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь. № 17. 1955 год.

Год
выпуска
32-й.

Бригада комсомольско-молодежной бригады Люба Дзеньгоф делат реновацию вступающей в юность авиальщице Неле Самірской.

— Разреште, я сохранию его у себя! Как самое дорогое...

Желание Любы понятно. Ведь жизнь этой простой молдавской девушки, как и жизнь многих ее сверстниц, озарена дымлением комсомольских дел. Комсомольский билет для нее — это символ славы и комсомольской юности.

Сколько юношей и девушек Кишинева в годы Великой Отечественной войны своими бесстрашными подвигами оправдали великое право носить у сердца комсомольский билет! Герою Советского Союза Николаю Фролову комсомольский билет напоминает о героических делах молдавских партизан из отряда имени Сергея Лазо. Фролов был секретарем комсомольской организации этого отряда. Комсомольская честь Николая и его товарищей прове-

Аня Бутнару работает на обувной фабрике. Однажды девушка решила уйти с полнотанной в кино. Товарищи предупредили ее, что напишут об этом в стенную газету «Колыбчак». Аня заклебалась, однако кино пошла уже просто из упрямства.

День или два спустя в «Колыбчак» появилась карикатура, вызвавшая много смеха. Но вот к газете подошла Аня. Работая ребят, она несколько секунд смотрела на карикатуру. Гнев и обида отразились на ее лице. Круто повернувшись к комсоргу, Аня резко сказала:

— Если я плохая комсомолка, не незачем мне и билет носить! — И она бросила комсоргу свой комсомольский билет.

Ее осудили сурово. Комсомольские цеха единодушно проголосовали за исключение Ани Бутнару из рядов комсомола. Но и на собрании она продолжала вести себя вызывающе.

Только позже до нее дошел весь ужасный смысл ее поступка. Аня поняла, что она уже больше не комсомолка и не стеснясь слез, прибежала к подругам.

И вот мы беседуем с Аней Бутнару. Скупными словами говорит она о себе: выросла без родителей, в детстве испытала больше обид, чем ласки, и поэтому любая намешка больно ранит ее. Карикатура вывела девушку из равновесия. Ей стало стыдно, так совсем не быть в комсомоле, чем быть такой комсомолкой, которую всегда критикуют. И на собрании она не могла побороть это чувство ложного самодлюбия.

— Я знаю, что виновата. — Аня тербит платок. — Но я хочу быть в комсомоле, я не могу жить без комсомолки, поймите меня!

Товарищи простили Ане ошибку. Как ни тяжелы были ее вина, все же комсомольцы видели, что девушка до конца осознала смысл своего поступка.

Товарищи простить можно, но преступление — нельзя. В нашем районе был слух, воспоминание о котором до сих пор оставляет гнетущее впечатление.

На бюро райкома разбирался дело Нели Логвиной учащейся Кишиневского училища виноградарства и виноделия. У девушки пропал комсомольский билет. Она перерыва все вещи, но нигде его не могла найти. Нела смутно помнила, что в последний раз видела комсомольский билет в чемодане. Но куда он делся потом?

На собрании в училище товарищи резко говорили с Нелой Логвиной. Ее вина была очевидна. Ведь комсомольский билет хранят не в чемодане, не в книгах, не в сумочке, а на груди, там, где бьется сердце. Комсомольцы проголосовали за строгий выговор, и даже подруга Нели Мария Бану тоже подняла руку.

Райком утвердил решение собрания. Нела невозможно плакала, но ушла из райкома, унося в кармане дубликат комсомольского билета. Об этом случае вскоре забыли, однако через несколько месяцев вскрывшись все его подоплека. Оказалось, что Логвинова не теряла комсомольского билета.

Дело было так. У Нели и ее подруги Марии Бану был общий знакомый. Этот веселый, общительный парень нравился обим девушкам. Особенно увлеклась им Мария. Она даже изменилась в лице, когда видела, что парень танцует с кем-нибудь из девушек. Вскоре Мария начала замечать, что он относится к Неле благосклоннее, чем к другим. И тогда у нее родилась мысль чем-нибудь опорочить подругу. Она выкрала из чемодана комсомольский билет Логвиной и совгала его.

Правда о пропавшем комсомольском билете Нели Логвиной стала известна всем. Разговор на собрании с Марией Бану был коротким и беспощадным. Как могла она быть в комсомольском семье, посещать собрания, плавать взносы и вместе с тем носить на душе такую подлость!

— Простите меня, я испривилась плакала и ромала руки Мариа. — Я допустила ошибку...

— Это не ошибка, а преступление. Олегу Кошевому номер комсомольского билета фашисты выгнали на грудь, но он не отрекся

На квартиру и старому большевину Михаилу Мироняну Нездарну пришли пионеры. Они по поручению Ленинского райкома комсомола пригласили Михаила Мироняна присутствовать на заседании бюро.

рвалась в бокх. Суровыми и трудными были их комсомольские поручения: взорвать место, уничтожить склад, пустить под откос вражеский эшелон...

А разве сейчас мало юношей и девушек, которые с честью носят комсомольский билет? В одном из цехов кишиневской обувной фабрики на видном месте висят три алая вымпела. Их получила от фабричного комитета ВЛКСМ, райкома и городского комитета комсомола бригада Александры Штыраревой.

Такие люди — гордость комсомола. Приятно видеть их, беседовать с ними. Часто приходят они в район, рассказывают о своих делах, делятся планами.

Но бывают в райкоме и другие встречи.

...Занимаясь и путаясь, молодой бумажник с денгами, чтобы заплатить за билет. На остановке смотрю — нет бумажника. А в нем был комсомольский билет. Сами видите, все случайно вышло...

Шильковский недоуможенно разводит руками, виновато смотрит на членов бюро. Но странное дело! В его голосе совсем не чувствуется волнения. Для него это лишь неприятный разговор в райкоме. Он знает, что его поругают, объявят выговор, а после выдадут новый комсомольский билет.

Ничего греха таить, Шильковский не одинок. Нам, работникам райкома комсомола, приходится сталкиваться с разными фактами. О некоторых из них даже хочется рассказать.

Секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ Молдавии Винтор Крючнов вручил комсомольский билет Нюсе Чебан.

— Подаривая тебе со ступлением в дружную комсомольскую семью — говорит иуд достойна высшего знания член ВЛКСМ. На снимке справа налево: Виктор Крючнов, Герой Советского Союза Владимир Ванечкин, Нюса Чебан и второй секретарь райкома Елена Буйнова.

от комсомола. А ты, ты своими руками билет сожгла! Нет, ты не имеешь права, ты недостойна носить комсомольский билет! — говорила ей комсомолка.

На бюро района мы утвердили решение комсомольского собрания уличить. Однако эта печальная история, равно как и другие, подобные ей, заставила нас задуматься.

Быть может, и мы, комсомольские работники, повинны в том, что у некоторой части молодежи комсомольский билет далеко от сердца!

В повседневной жизни нередко бывает так: член ВЛКСМ приходит к секретарю платить взносы, не имея при себе билета. Каждый такой случай — прямой повод для серьезного разговора, но, и сожалению, секретарь чаще всего снисходительно соглашается принять взносы.

Даже на комсомольских собраниях люди подтекст придают без билетов. Дело доходит до курьезов. Идет собрание на волнующую тему «ты на подвиг зовешь, комсомольский билет». Выступающий горько и правильно говорит о чести комсомольца. И в то же время у многих из присутствующих билеты комсомольские билеты лежат дома в столах или комодах...

Нельзя пришлось нам подумать, чтобы решить вопрос, как выправить положение. В суматохе рабочих буден мы часто забываем, что молодежь идет в жизни романтики, чего-то яркого, не обычного, а мы приподносим ей только скучные, однообразные «мероприятия». Взять хотя бы прием в комсомол. В коридорах района толпятся юноши и девушки. Их поочередно вызывают в комнату, где идет заседание бюро. Два — три довольно бесстрастных вопроса — и затем следуют слова: «Принимем тебя... Можешь быть свободен». Новичок шел в райком, ожидая чего-то яркого, торжественного, а тут все оказалось будничным, серым.

— Нет! — решили мы. — Нельзя дальше привлекать комсомолов только таким образом. Вступление в семью молодых ленинцев — это солнечный праздник юности. И плахи, если этот праздник туснеет и комкеется по нашей вине.

Николай Островский, страстный певец комсомольской романтики, говорил: «кто не горит — тот конит». Это закон жизни. Да здравствует пламя жизни! Молодой человек, комсомолец, должен гореть всюду и всегда — в работе, в отдыхе, в любви. Зажечь это пламя надо с момента вступления в комсомол.

Мы долго и настойчиво совещались, как превратить акт вручения комсомольского билета в большое, праздничное событие.

И вот подошел день, когда мы впервые вручали комсомольские билеты по-новому. Необычно выглядел райком. На окнах, на столах, в коридоре — всюду букеты цветов. На бюро присутствовали не только вступившие, но и их друзья, родители, знатные люди района. Все это вызвало у новичков неподдельное волнение. Откровенно говоря, не все лишний раз вспоминались и мы: как все получится?

Но все прошло очень хорошо — тепло и торжественно. После того, как юноши и девушки получили врученные комсомольские билеты, я рассказал, как надо их беречь и хранить. Потом к новичкам с

напутственной речью обратился депутат районного Совета, старый член партии Степан Севастьянович Левинца. Затая дыхание, слушали комсомолцы его рассказ о том, как молодежь сражалась на фронтах гражданской войны. Их глаза загорались восхищением, здоровой завистью к подвигам отцов-коммунистов.

В эти минуты каждый, наверное, подумал: «А смогу ли я быть таким?»

Сможем, если захочем! Если ты отдашь Отчизне все пламя твоего беспокойного молодого сердца, то вырастешь героем, достойным бессмертной славы Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Олега Кошевого, Сергея Громова, Александра Матросова.

В торжественной тишине кабинета звучат стихи:

Не смущайся, семидесятилетник

Прява, биография была в куртке!

Вспомни: так же Радик Юржин

Начинал отважные дела.

Ты стоишь, упрямый

и выхристый,

Пионерский галстук тереби.

В путь-дорогу к мужеству

о чести комсомольца

и счастью

Комсомол напутствует тебя.

С места поднялась азово-волжанская девушка.

— Мы являемся оплотнителями значения ленинцев, не уроним чести комсомолов, — сказала она. — Мы будем высоко нести знамя комсомольской дружбы.

По домам все разошлись возбужденные, довольные.

В другой раз мы пригласили в райком участника трех русских революций, коммуниста Федора Ивановича Шугаева. Он тепло поздравил юношей и девушек со вступлением в комсомол, поделился воспоминаниями о своих встречах с В. И. Лениным, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаевым. Старый коммунист говорил комсомольцам о той высокой ответственности, которую возлагает на них Коммунистическая партия.

Для вручения комсомольских билетов стали в нашем райкоме праздничными событиями, которые одинаково волнуют и новичков и нас, комсомольских работников. Новичков радует то, что так хорошо и интересно начинается их комсомольская жизнь. Они будто бы принимают эстафету от старших товарищей. В первичных комсомольских организациях, куда вливаются молодые ленинцы, закипает жизнь, полная комсомольской выдумки и романтики, начинается полезный разговор о гордости, традициях, о долге, мужестве, чести.

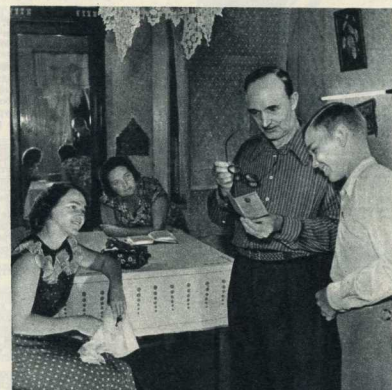
Праздничные вручения комсомольских билетов, интересные собрания, фестивали, спортивные состязания, походы, рейды — все это будоражит молодежь. Как радость было видеть, например, фальшивое шестие комсомольцев города Кишинева в День победы. Тысячи флажков трагетали в этот вечер на улицах, словно тысячи сердец Данко...

Мы понимаем, что сделано нами еще совсем немного, что это всего лишь первый шаг к большому и великому делу. Но главное, что шаг этот уже сделан.

...Шумят листья молодые тополя. Прозрачные летние сумерки опускаются на город, робко загорается первая звезда. В предвечерний час из дверей райкома выходит группа молодых людей. У каждого на груди поблескивает

Когда Нюся Чебан вышла из района комсомола, ее встретили подруги по фабрике. Раз Кучеренов принтерпала ей значок члена ВЛКСМ.

— Теперь, папа, я — комсомолка! — сказала Валя Козлов, с гордостью показывая отцу свой комсомольский билет.

маленько новенький комсомольский значок.

Улица лежит перед юношами и девушками как прямой путь в новую жизнь, куда они входят уже комсомольцами. Мелькает мимо автомобилей, неторопливая походкой возвращаются со смены рабочие. А откудова издалека доносятся протяжные паровозные гудки, напоминающие о дальних дорогах...

Полной грудью дышит в эти минуты. Каждый чувствует себя

силнее, чем он был раньше. Впереди много дел — трудных, но интересных. И невольно возникает песня:

Дайте трудное дело,
Дайте дело твое,
Чтобы создала торжело
И не знало покоя!

Хороша песня! Да и левцы хороши. Верится, что свою мечту они сделают комсомольской былью.

г. Кишинев.

Н. ЧЕБАЕВСКИЙ

В СЕНТЯБРЕ

Рассказ

С самого начала уборки все пошло кувырком. Погода такая выдалась, что хуже для комбайнера не придумаешь. Небо целыми днями было затянуто тучами, низкими тучами. Лениво плыли они почти над самой землей, и когда добирался до береговой рощи, то любил деревьям словесно распарывать их. На полях пшеницы, раскинувшиеся за рощей, обрушились потоки воды.

Андрей Тарасов сердито дергал за шпур. Раздавался резкий, тревожный свисток, слышался трактористу: «Отцепил машину!». Сам Андрей, чиркаясь, глуша мотор комбайна, переключал кранки. Трактористу такая погода еще волгора: отцепил комбайн и поедет на соседнее поле айбь подмять. А комбайнер

ждет, когда ветер разгонит тучи, подует пшеницу... И бывает, только дождется, сделает пять—шесть кругов—опять ливень.

— Прогноза небо!— бросал сердито Андрей.

Но беда, как говорят, не приходит одна. Мало того, что погода не давала работать, так заболел штурвальный. Схватил приступ аппендицита—увезли в больницу.

— Давайте штурвального!— почти ежедневно требовали за радию Андрей у директора МТС.

Свободных штурвальных не было. И это тоже раздражало комбайнера. Сейчас, правда, работая по три—четыре часа в день, он легко обходился без помощника. Но ведь переставит когда-нибудь дожди, установится добрая погода, придется косить круглые сутки. А тогда без штурвального не справиться.

Наконец на МТС передали:

— Даем вам штурвального.

Андрей не сразу поверил.

— Когда?

— Завтра придет!— твердо ответила девушка-диспетчер.

Если вечером говорят, что штурвальный будет завтра, то это уже не пустое обещание. Но кого же они так быстро нашли? Андрей продолжал недоверчиво выспрашивать:

— А понимает он что-нибудь в комбайне? Пожалуй, привалит такого, что в машине из бум-бум...

— Хороший, знающий товарищ. Будешь, Андрей, доволен, если не очарован!... В голос диспетчера зазвучали игривые интонации. — Как фамилия?— строго спросил Тарасов, подчеркивая, что ведет деловой разговор и ему не до шуток.

— Дерган!

Фамилия Андрею не понравилась. Разве сравнишь ее с фамилией праведного штурвального—Богатырей! Тот и впрямь походил на богатыря: работал без усталости день и ночь. А как будет это?—невзвешено.

— Он опытный, мой новый штурвальный? — Да что ты, Андрей, прилепись! Говорю же, будешь доволен!—засмеялась девушка.

Комбайнеру ничего не оставалось, как терпеливо ждать. Утром он поднялся, как всегда, до восхода солнца. Вышел на крыльцо полевой избушки—нельзя поужинать. Водах была студеной, как колодезная вода, в бринки, бочки, доски, жерди—все, что было деревянного и железного воле става, покрывало серым налетом инея: начался заморозки.

Теперь можно ждать хорошей погоды! Да и сегодня, видно, непохой денек будет: небо прояснелось, ветер тинет с востока, а отуды дожди не приходят.

Андрей радостно крикнул трактористам: — Пошеничникам, ребята! Начнем встационахую уборку!

Трактористы, два чубатых брата-одногодки, выскочили на улицу, глянули на посветлевшее небо и весело подхватили: — Пошеничникам, ребята! Надого установились. Можно будет жать круглые сутки!...

Настроение у всех поднялось. Андрей жмел только об одном: вчера вечером он отпустил домой возчиков зерна и соломокопильщицу. А до села восемь километров. Но не успел Андрей позавтракать, как на дворе тяжело загремела брычка. Приехали!.. Теперь все члены экипажа в сборе, не хватает только штурвального. Хотя вчера ему не было скучно, когда придет новый штурвальный, утром, днем или вечером, но Андрей считал, что настоящий механизатор должен непременно явиться к месту работы на заре. Если опаздывает, значит, неграден, неграсторен!

Поме с одной стороны примыкло к дороге. Андрей часто посматривал на нее, дожидаясь штурвального. Прошел час, другой, а того все не было. Дорога была пустыня, если не считать бестарков, которые отвозили от комбайнов пшеницу. Недалеке работал «Станция» комбайнера с Кубики, чернوبرового красавца Михаила Ожжюкова.

Но вот вдаль показался велоседлец. Не штурвальный ли жалует? Если так, придется ему отцепить вместо хлеба-соли одной соломки Горьковато покажется, да полезно—пусть привяжет к дисциплине, пусть знает, что не к кому-нибудь, а к Андрею Тарасову его направил. Снова зря не приходит. В прошлом году они с Богатыревым в жмелку выехали, что первое место по МТС завоевать... О, да он еще в белую рубашку вырядился! Будто на свадьбу собрался!.. Хотя нет, это вовсе не рубашка, а кофточка, и не парень, а девушка едет на велосипеде. Наверное, ухитрилась из Шумки. Есть там завядлая велоседлица. Говорят, даже знание мастера спорта имеет. Вишь, как понеслась под уклон!.. Ясно, она!

Велоседлица на мгновение пропала в мольном ложке, потом выскочила на небольшой увальчик, остановилась. Смотрит то на комбайн Андрея, то в сторону Ожжюкова.

«Уж не сорудница ли газеты опять?»—подумал Тарасов.

Рисунок А. Паукова.

В прошлом году к нему два раза приезжали из редакции районной газеты. После первого посещения в газете появилась небольшая заметка, в которой Андрей обещался закончить перлам уборку, а во второй раз была напечатана большая статья. В ней рассказывалось о том, что Тарасов с честью сдержал слово.

Поклобавшись минуту, веселосидестка свернула с дороги, поехала по стерле к комбайну Андрей.

«Раньше ты еще приколывался», — подумал Андрей. — Достигнешь еще каких-нет нет. Разве обещание опять решил напечатать...»

Андрей прислонился, горделиво поднял голову, одну ногу выставил немного вперед. Когда веселосидестка поровнялась с комбайном, он дернул за шнур свистка, оставив агрегат, потом нетерпеливо спустился с мотика. Протянув приехавшей грубоватую, заветвердевшую руку, представился:

— Тарасов. — На сукуловатом лице девушки не выразилось ничего, никакого удивления перед прославленным комбайнером.

— Тарасов? — повторила девушка. — Тогда я не ошиблась, мне сюда и надо. — И отрекомендовалась: — Мария Дергач. Назначена к вам штурвальным.

Обернувшись приехавшая в лохмотном медведя, и тогда, наверное, Андрей не удивился бы так, как он порадовался тому, что эта девушка — его штурвальная. Он даже отступил на шаг, глаза его широко раздвинулись: так вот почему директор слетершаса похрюкала каверные словечки ебудше очарован! Хорошо очарован! Ему поточник нужен, а не городская модница!

Одета Маша Дергач была просто. Беленькая кофточка, серая шерстяная юбка, кожаные тапочки на босу ногу — вот и весь наряд. В другое время Андрей, конечно, ничего не сказал бы, но здесь, у комбайна, белая кофточка резала ему глаза. А косы!.. Разве с такими косами на комбайне можно работать? Взлетится где-нибудь — и голову оторвет! Да и вообще, какая это штурвальная? Маленькая, слабосильная. Нарочно, что ли, для смеха наняли? Круто повернувшись, Андрей пошел на мотик.

— Что ж, займись местом!

— Не у вас же выключил? — несколько озадаченная неестественным комбайнером, спросила новая штурвальная. — Мне надо всего положить.

— Вещи? — Андрей глянул через плечо на девушку и тут только заметил, что на багажнике колесничка привалили чемодан и чемодан.

— Этого еще не доставало! Явилась будто в гости. Тряпко, наверное, всяких набрала... Небося, поспши на соломе, так забудешь о наряде!

— Лизавета, — приказал ей, — отведи ее в избушку!

Одна из девушек бойко соскочила с площадки комбайна, с готовностью предложив:

— Походите, тут недалеко, вон у рощи наша избушка...

Андрей раздраженно дернул за шнур. Сердитый свисток разорвал тишину. Переключившись, дружно заработали моторы трактора и комбайна. Агрегат тронулся, закружилсь мотожил, застрекотал нож, повалилась подрезанная пшеница.

Хорошо работала комбайн: ласково, совсем не по-осениному трело солонышко. Но Андрей был угрюм.

— Дергач, Дергач! — бормотал он. — И фамилия птичья, и сама похожа на пингалу...

Штурвальная явилась вскоре. В синем комбинезоне она выглядела и выше ростом и как-то солиднее. Но Андрей не мог избавиться от первоначального впечатления и принял ее на мотик сухо...

Поле было урожайное. Сделает комбайн полукруга — и полон бурен. Бестарки едва успевают отвозить зерно на точок. Убирать такую рощуку, возмущается штурвальная — дело не простое. И комбайнер, и штурвальная, и соломокопильница — все должны быть начеку. Заевался — сразу остановка, а то и поломка: или забьет солоной барабан и мотожилку, или затрамбует зерно шнеки.

Такое и случилось после полудня. Утомленная выключившая не обратила внимания, что поток соломы вдул поредел. Еще мгновение —

и мотожилку забило бы до отказа, бешено завращался барабан начал бы крошить свои штифты, полетели бы звездочки шеек... Аварии не случилось только потому, что натренированный слух Андрей изловил издаваемые, задевающиеся звуки в мотожилке и во-время остановил ее. Все облобось благополучно, но жельч, копившаяся в груди комбайнера, прорвалась наружу. Он накричал на соломокопильницу и нежиданно властно командовал штурвальную:

— Становись на копилке! Сиди в оба, пошевельвайся быстрее! Иначе зарежешься...

Штурвальная была во всей этой истории ни при чем. Посылать ее на соломокопильщик было едва ли разумно, но Андрей обиделся, без подполкуню. Он ожидал, что Дергач запротестует, категорически откажется работать на копилке. Но штурвальная молча вышла вилы. Такое послушание поправилось комбайнеру. И он добавил значительно мягче:

— Позор получается. Первый день, сингай, настоящей уборку начали и чуть не запоронились...

Работа на соломокопильнике очень тяжелая. Пыль, ость, солова висят тучей, слепят глаза, лезут в нос, за ворот. Хорошо, если еще дельный ветер, в колда ветер — копилкашку бук вально не выдать в серой туче. А ей все надо вылететь, везде поспеть. Целый день она орудет вилками, через каждые пять минут сбрасывает концы соломы, расплывая их по полю ровными, прямыми рядами. Она же должна следить за тем, как звонкомячки, решетки, за сигналами трещотки.

Маша все успевала делать. Стоило только на мгновение превратиться гулко соломы, как по панели комбайна гулко стучали ее вилы. Андрей останавливался, останавливал машину, лез в приемную камеру, разрезал ножком намотавшуюся на барабан солому, освобождая штифты мотожилочного аппарата. Сколько раз предупреждался таким образом авария!

Работой Маша он был доволен. Через два дня, когда встал вопрос о выносивости и проростов, Андрей решил было перевести девушку на законное место, за штурвал. Помешало этому одно обстоятельство...

2

В тот день работы кончили рано. День стоял теплый, а к вечеру внезапно похолодало, и вышла обильная роса. После такой росы не начнешь убирать на заре. Придется ждать, когда ветер да солнце посушат пшеницу. Поэтому Андрей отпустил людей до утра по дому. В полковой избушке остались лишь тракторист Матя, который должен был смонтировать брата и уйти в ночь на пахоту зяби, поварила да штурвальная.

Маше в село ехать было не к кому: там у нее ни родни, ни знакомых. Она приехала на Алтай скрываясь, пешком из Красноярского края. Самому Андрею хотелось бы побылать дома, помыться в бане, но дом его был тоже далеко — в тридцати километрах, а поселке при МТС. В период уборки, если не случалось особой нужды, Тарасов никогда не трогал время на домашние побылки. Нельзя было кинуться, он возмизс с машиной, проверка жалоб...

Сейчас он, впрочем, сидел без дела, дожидаясь ужина. Из кухни, что была за перегородкой, доносился до него запах вареного крапа. Самому Андрею хотелось бы побылать дома, помыться в бане, но дом его был тоже далеко — в тридцати километрах, а поселке при МТС. В период уборки, если не случалось особой нужды, Тарасов никогда не трогал время на домашние побылки. Нельзя было кинуться, он возмизс с машиной, проверка жалоб...

— Куда это кто-то пошел? — подумал комбайнер.

— Андрюша, — немного покровительственно, на правах старшей, обратился к Тарасову поварица, выходя следом за Машей, — иди-ка покупайся...

— Покупаться? — По губам комбайнера пробежала озорная улыбка. — Без тебя бы явился Агаша, догадаться. Да испытано уже: а речке вода такая, что шкура отстает!

— Так я же не на речку тебя посылаю, а душ испробовать... Пыль да солому с тела счищать. Маша, вот есть, ветхотка... Иди жаль, пока вода не остыла.

— Какой ду! Откуда он вылезает? — недо-

верливо покосился Андрей на молчалив, которую сосала ему поварица.

— Откуда и вылезли! Маша придумала, а куда-нибудь приспособились...

— Вернулася Маша. Спросила серьезно: — Не хотите разве, Андрей Иванович? А ты, Митя?

— Я бы с полным правом удовольствием! — отозвался тракторист. — Только на смену через полчаса заступать. Уж лучше я попользуюсь угрюмком, перед отъездом.

— Ты, свернузу безобразной улыбкой, подполкуню Андрея в спину:

— Иди, иди, не лмайся! Испробуй наше ооружение... «Агаша? Вот как! Выходит, и Митяж в этом деле участие принимает. Надо посмотреть, что они там соорудили...»

Вернулася Андрей за душевой сияющей.

— Зарово! Прямо как в городе. Никогда бы не подумал, что обыкновенную спортивную лезуку можно так долго приспособить! — говорил он, обращаясь почему-то только к тете Агаше.

— Я что, — улыбаясь от удовольствия, отвечала поварица. — Машу надо хвалить, ее все хлопоты!

— Спасибо! — кратко и с любовью поблагодарила Андрей свою штурвальную.

— На зарово! — так же кратко ответила Маша.

Андрей достал из нагрудного кармана комбинезона гребенку. Расчесывая мокрые волосы, направились к парку. Но что это?.. Комбайнер изумленно остановился на пороге: соло на варях было прикрыто свежими простынями, в изголовьях лежали подушки.

— Спит Маша, опять ее хлопоты! Ну, девчонка!.. Неприятная, тихая, а ноги ж ты...

— Что-то теплое, нежесткое шельвальное в сердце Андрея. Но сказал он совсем другое:

— Липнее это.

— Как же липнее! — возмущалась поварица. — Отдохнуть-то надо или не надо по-человечески? Работай от зари до зари да еще на сене валился — не дело так!

— Сено автра матрасами заменим, — скавала Маша.

— Андрей поднял на нее глаза:

— Где же вы матрасы возьмете? Второго год правление обещает — не дает.

— А мы титку в автолавке купили, автраж с тетей Агашей навонючки пошем, забьем овси-

ной соломой,— деловито ответила штурвальщица.

Было приятно после душа отдохнуть на чистой простыне, на свежей, пусть немного и жесткой подушке. Но, странное дело, Андрей, засыпавший обычно мгновенно, сегодня долго не мог заснуть.

«Ночелюха, однако, дивчина!» — думал он о Маше.

А утром отказавшись от своего прежнего намерения перенести девушку с соломокопнителя к штурвалу.

«Еще подумают, что из-за душа да простыней растопился», — решил он и продолжал держать себя с Машей еще более начальственно.

Днем же у аих произошла настоящая стычка.

У комбайна кубанца Южакова расколосило деревянный подшипник питающего транспортера. Деталь была не ахти какая сложная, но важная. Без нее громадная машина мертва. Южаков попытался смотать подшипник гвоздями, но ничего не вышло: бакушка снова расколосилась, заклинившись, планки транспортера начали перекашивать.

Кубанец прискакал на лошадейне довозака к Тарасову.

«Есть у тебя запасной подшипник? Выручай, будь другом!»

— Нет, запасного подшипника у меня нету, — сказал Андрей. И, опасаясь покосившихся на Машу, слушающую разговор с высоты соломокопнителя, добавил: — Был бы, ясно, выручил...

Южаков горестно вздохнул.

— Эх, не везет же! Придется ехать в село. А день-то какал!

Кубанец раздраженно огрел лошадей бичом, телега быстро покатила к селу.

«Зачем он обманул Южакова? — красивая, подумала Маша об Андрее.— Ведь есть же запасной подшипник, сама видела... Разве уже так плохо отдалось кому-нибудь? Или старший, а я недоглядела... Ну-ка, проверю...» Пока Андрей стоял на земле, нервно курял, прожывая взглядом Южакова, Маша тихой влетела на штурвальный мостик, открыла интуитивный ящик... Вот он, подшипник! Новенький, аккуратно выстроенный, точно подпорванный.

— Так вот же подшипник! — воскликнула Маша.— Почему же ты не дал его Южакову?

Андрей вздохнул, ступившее заперлое лицо побегорело. Глаза стали кошачьими.

— А твое какое дело? — крикнул он со злой растерянностью.— Отдай, а потом сам стой, если случится авария. На уборке змунта долога...

— Но ведь Южакову-то уже стонг! — возразила Маша.— Ближе ли до села...

— А что виноват? Запасался бы заранее, если не хотел пропастись! — отрубил Андрей.

— Но он же не делший, только на уборку сюда прибыл. Не мог ведь запастись... — упилилась Маша.

— Механизатор без запасных частей — это не механизатор!

— Да?.. А я думаю иначе. Тот, кто заботится только о себе, тот не настоящий механизатор.

— Хватит учить! — скомандовал Андрей.— И без того учены. По местам все, поехали...

Но Маша не подчинилась этому приказу. Она быстро срыгнула на землю и сказала громко:

— Лиза, подмени меня! Я подшипник отнесу.

На круглом лице Лизы отразилась растерянность: что случилось? Оценил и Андрей. Все в груди у него клевало, но что от него сказать? Насколько способен подшипник? Будь бы перед ним парень, Андрей, пожалуй, сигналы бы его за ворот. С девушкой же поступай так не мог. Он только заморгал, когда Маша, прожода мимо него, деловито доложилась: Андрей пошла вернуть.

Андрей выскрел влетел на мостик, так рростно дернул штурвал свистка, что оборвал его. Стоял у штурвала, скрыла зубами.

«Не пишу больше на комбайн! Вечером же потребую у директора МТС, чтобы убрал ее с аграрки. Иначе все же не дисциплину ррешает, уборку оррест. Пусть забират немедленно!» — проговарял Андрей, хотя отлично понимал, что ничего никому не скажет. Нооборот, минут

через десять, когда приступ ярости и обиды прошел, стало беспокойно: а вдруг Маша не успокоится на том, что увесла подшипник? Что, если она вышпест еще в стенигаеу, поставит вопрос на комсомольском собрании? Промовет, изобразит жалкую...

От этих мыслей становилось жарко, будто не сентябрьское, а июльское солнце припекало к сплну.

Минут через пятнадцать комбайн Южакова уже тронулся. На мостике стоял штурвальщик. Нет... не он!... Вглядываясь, Андрей понял, что веда машину Маша: на штурвальном должна бы ярреть кешка, а тут — белая ко-сыночка. Андрею даже показалось, что он увидет растущую улыбку на лице девушки...

— А-а, насмучалась, небось, о штурвале! На своем комбайне не пускают, так на чужом не вверюте покосить! — язвительно прошептал он.

Впрочем, от этой язвительности больно и стыдно стало самому же. «Надо перевести ее к штурвалу. Сегодня, ясно, нельзя, но вообще-то хватит томить... И так терпелива. Другая бы давно через МТС потребовала...»

Но долго простояла Маша на мостике комбайна Южакова. Ровно через полчаса она уже сменила Лизу на соломокопнителя.

А вскоре на дороге появилась грохочущая телега. Возвращался из села Южаков. Только почему он опять сворачивает сюда, к комбайну Андрей? Манет рукой, просит остановиться.

— Подшипник тебе привел! — крикнул он, осаживая лошадь окол комбайна. — Сделал заводно, на всякий случай, чтобы не вышло у тебя, как со мной... Шутка ли в такое время из-за пустяка два часа простоять!.. Лови!

Андрей несомно схватил кинутый ему подшипник, вспыхнул, пролетелета что-то невнятно.

— Не два часа, а только пятнадцать минут простоял ваш комбайн, — сказала Лиза Южакову.

Тот недолговечно посмотрел на девушку, потом на свой комбайн, который виднелся вдали, и только тут заметил: его аргетар поблает. Это было видно по тому, как ярво сверкала мотельно, отражая и дробя солнечные лучи.

— Как же это оно умудрилось? — Удивился Южаков.— Где подшипник сумели раздобыть?

— А у Андрея Ивановича, оказывается, под запасными частями завалился...

— Ну, спасибо тебе, Андрей! Выходит, я чуждом уловил, что тебе подшипник возвратит надо! — Южаков весело рассмеялся и влехнул лошадейку.

Андрей стоял на мостике пристыженный, мрачный.

— Прогаете? — помогаю ему выйти из опеченения, спросила Маша.

Комбайнер встрепенулся, поправила сдвинутую на локоть копейку.

— Тронулись!

3

Так прошел день, другой. Маша попеременно работала на соломокопнители. Андрей почти не разговаривал с ней. Только спустя густые брочи да изредка кидая на нее неприметные, будто случайные взгляды. На исходе же третьего дня глумившись от смущения голосом сказал:

— Становись-ка, Мария, за штурвал. Лиза тебя на соломокопнители сменил. А я вот на коншле полжгу, отдохну малость. Сегодня граде росы не будет, придется в ночь работать...

— Хорошо! — отозвалась штурвальщица.

Она будто не удивилась этому, только в карих глазах ее мелькнули элоститские искорки. Маша поведла комбайн уверенно, с толком. Андрей по звуку мотора почувствовал: и захват хедера правильный, и молотилка работает исправно, не давись, не захлебывается. Значит, не только он ари маневрал девушку на коншлите, но и себя наказывал без штурвального за последние дни совсем вмотался. К концу дня ноги гудели, в глазах рябило от усталости. А тут еще этот окаянный подшипник!..

Хорошо было лежать на конше. Какая красота кругом!.. Березовая роща еще в высоте. Под ней открылся неприметный лемон подлесок. Стоят пушистые от спелых ягод рябины. Да и листья рябины под ветр игодим.

Вздуот глаза отпавляющие медью шпеленные поля, слабо поблескивая штеина степери. А как прозрачен и чист осенний воздух!

«Сказалась ли усталость последних дней, креще ли вообще на свежем воздухе спитесь, только проснулся Андрей под утро. Морозило. Комбайнер сначала инстинктивно потянул на плечи сползающую фуфайку, которой кто-то его прикрыл ночью, потом акинула голову, испуганно вскрикнул...

Нето росовело у горизонта. Края обласков золотились... Вот знакомая сопка... Пропсал, все на свете проспал! Ведь в эту ночь он мечтал поднажать и оторваться от других комбайнеров... Андрей чуть не вылезл от досады. Клеветиса прорь от коншлы... Но где же комбайн?.. На заголке его нет. Андрей растерянно посмотрел вокруг и наконец увидел темный силуэт машины на пригорке у дороги. Зачем их туда помесит? Вель там штеина давиль скопелась. И вперюра не слышит!.. Так и есть, стонг! Неужели манш умробиют!..»

Андрей устремился к комбайну. Сначала бежал, ничего не замечая. Потом вдруг что-то

В. БЕРЕСТОВ

МАЛЬЧИК С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

дошло до его сознания, и он остановился. Оглянулся кругом, присмотрелся внимательно: загонка, которая оставалась на ночь, была убрана. Андрей глянул своим не черн. Забыл о комбайне, бросился для проверки в одну сторону, потом в другую. Пшеницы нигде нет, одна стерня да копны солома в рядах... Неужели штурвальная сумела скопать все за ночь? А ведь так оно и есть: убрана и выехала к дороге, чтоб утром перепалить агрегат на новое место.

Когда Андрей подошел к комбайну, он увидел членов своего экипажа в сборе. У всех было веселое, приподнятое настроение. — Как спало, товарищ, приподняло агрегата? — озорно спросил Мизга-тракторист. — Не пришло ли случайно, что пшеница на загонке убрана?

— Верно, это самое и пришло! — в тон отозвался комбайнер. Потом, хоть и невольно как-то было ему, он пожал маленькую руку штурвальную и погрузившим от волнения голосом сказал: — Молодец, Маша! Мне столько было вечно убирать не приходилось.

— А я и будить тебя не решился. Ты крепко спал, жалко стало, — ответила Маша.

— Она, брат, Маша, доподлинный специалист своего дела, — вступил в разговор тракторист, — три года штурвальную простояла. Ни не у кого-нибудь, а у своего дяди... А дядя — Герой Труда, известный на всю Кубань механизатор!

«И это ему известно! — с удивлением подумал Андрей. — Как он только все разнюхивает, все успевает, всем в доверие вступает? Тогда вот душ с Машей мастерил, теперь биографию ее выложим...»

Где-то в самом укромном уголке сердца шевельнулось чувство ревности и зависти: «Чти, я хуже этого рыцаря. А вот ничего не знаю, со мной Маша не делится...»

— Почему же ты тогда комбайн не приняла, а пошла снова в штурвальную? — спросил Андрей Машу. — Я думал, ты из училища.

— Направили — и пошла. Поставил ты меня на соломокопильщик. Если надо, значит, надо! — в голосе Маши звучали какие-то неуловимые ноты: не то она подсмеивалась над Андреем, не то с удовольствием подчеркивала свою готовность и впредь работать там, где потребуется.

В это утро Маша окончательно и бесповоротно завоевала свое место у штурвальная. Впрочем, управляла она теперь не только комбайном... Это заметили все. Хотя Андрей почти не разговаривал с Машей и попрежнему сутли брови, однако недавнее высокомерие как не бывало. Не только на штурвальную, но и на девушек-ручниц Лилу и Гальку Андрей смотрел теперь иначе. Во взгляде из-под бровей сквозила не заносчивость, а смущенное удивление: «Так вот вы, оказывается, какиели...»

— Переодела, Машенька, ты его, ей-богу, переоделила! — усмехался как-то вечером Андрей слова тети Агаша: — Ты вот дорожной человек пошел, а теперь на добрый путь направляешься...

«О ком это она? Уж не обо мне ли?» — с трепетом подумал Андрей.

Он бесшумно опустился на табуретку. Сидел не дыша. Но разговор в кухне пошел уже о другом. Посматривая бульканье воды, звяканье тапика. Маша, видно, мыла голову. Мыла и ее знавала. Ковалюха, чья коса совсем замучили ее. Заплетая за день — никакого спасения нет, а мять так же — одно наказание. При работе тоже мешают. Распустит нельзя: заплетенная за что-нибудь на комбайне, а сплести на голове — жадно!

— Андрей, витку, на них косы. Не говорит, а ясно: для чего, дескать, механизатору такие косы? Помеха одна! Отстричь, что ли?..

Андрее покаялось, будто лягушка южннкая. Испугавшись, что с молчаливой согласия повараж Маша отстрижет косы, он не удержался и горячо воскликнул:

— Не смей, Маша! Разве можно... В такую раздалось громкое: «Ай!..» Послышался звон ковши, плеск горячей воды.

Распахнулись фанерные двери, появилась теть Агаша.

— Кто это кричал? Ты, что ли, Андрюша?.. Из-за спины поваражика вылезала Маша. Косы были на ней, вместо южннкой, груза она держала кусочек розового мыла. А глаза ее лукаво улыбались...

с. Тугул, Алтайского края.

Пассажиром одной из дрейфующих льдин

Посещает Москва передачу:

«Петр Иванович Кузмин!»

Выступает ваш сын!

— Здравствуй, папа!

Задорный, горячий

Мнится и полюсу

Голос ребячий.

Нет пределов открытиям!

Годы пройдут,

И сегодняшнй мальчик, быть может,

К отдаленной планете маршрут

В корабле межпланетном

Пролетит.

А с Земли он услышит

В назначенный час

Голос радостный: — Папочка, здравствуй!

Каждый вечер мы с мамой

Смотрим на вас.

Жаль, что в тучах вы прячетесь часто!

...И припомнит отца капитан корабля

И его знаменитую льдину,

Увидя, как на небе сияет Земля,

Говорящая голосом сына.

Федор СУХОВ

НОЧЬ ТИХА...

Ночь тиха. Прислушайся, услышишь,
Как часы шагают за стеной,
Как луна взбирается все выше
Над зарпавшей этой тишиной.

А теплыня? А воздух? Прогулаться
За село уходит далеко;
Дышншь и не можешь наддышнться,
Словно пьешь парное молоко.

Полртенцем стелется дорога,
Рожь шумит — слышать за полверсты,
И стручки созревшего гороха
Лопочутся, зная, от полноты.

На село оглянешься — ни звука;
В духотной изморози слив,
Разметав наружные руки,
Спит оно, все двери отворив.

Самолет приподнялся над рожью,
Раза два над лесом прокружил,
И, чтоб мирный сон не потревожить,
Он мотор немного приглушил.

МАТЬ

Увидела. Припомянула. Узнала.

— Надолго ли?

— Да с месяц поживу.

— А мой Володька... — и не удержала

Горячих слез —

Упала на траву.

Ну, что сказать ей!

Ничего не скажешь.

Тут ни солгать,

Ни отойти нельзя.

И мне немного неудобно даже

Смотреть в ее уставшие глаза.

К Октябрьской ли,

Кто дню ли Первому,

Иль в долгожданный отпуск по весне

Который раз домой я приезжаю,

А сын все все где-то на войне...

г. Сталинград.

Виталий КОРЖИКОВ

СЧАСТЛИВОЙ ДОРОГИ!

Снега полькают над сопками ярко,

Туманы отхлынули к морю с утра...
По шире аллей сахалинского паркаСлепит, как на праздник Большой, детвора.
Не пламя нагрнуло буйным разливом —

То галстуки выюта и флаги разном —

Не сосны шумят на ветру голубом —

Звенят голоса торопливных ребят:

— А где же билеты?

— Скорее к вагону!

— Скорей же, скорей!

Не пробнсья к перрону.

А там, будоража толпу детворы,

Уже в паровозе бунтуют пары;

А там девонито кидет по платформе

Девочек-кондуктор в кондукторской форме;

А вот машинист повернулся к тебе:

— Так это же наш! Из девятого «Б»!

Терпеливо конец подошел:

— Ну когда же?

— Все красным горит почему-то фонарь...
— Смотри, из обкома приехали даже!

— Гляди-ка, к трибуне пошел секретарь.

И смотрят друзья на трибуну с волнением,

Замечено с доброй улыбкой лицом,
И разом душевное выступление

В сердцах веровало, покоря юнцов.

Далекие сопки гудок подкалывают,

Предгорья откликнулись с разных сторон.

И поезд окопало, почти без усилий

По рельсам упрутнм пошел вдоль колонн.

Отстали за ближнею роцей подростки,

Сосновое смежасто ветер плащил,

Шлагули навстречу лесные березки...
Взбасил паровоз, белым паром дохнул.

И вот уже где-то далеке-далеке

Он мчитсся, мннуя луга и поля!

Не ты ли далеким просторам навстречу

Несешься, вырастая юностию мюа?

Народ все дорожки тебе открывает,

И партия учит, как счастья найти.

И, в жизни нипутаясь, с верой желает:

«Счастливого дороги! Большого путия
г. Южно-Сахалинск.

Производство этого завода студенты встречали на улицах столицы и раньше. Но такого сплочения «Москвичей» им, конечно, еще не приходилось видеть. Кажется, что бесконечный поток новеньких, поблескивающих свежей краской машин замер перед невидимым светофором... Теперь эта картина стала привычной для практикантов: по пути в цех они ежедневно проходят мимо вереницы только что сошедших с конвейера «Москвичей».

БУДУЩИЕ ИНЖЕНЕРЫ ПРИШЛИ НА ЗАВОД

Фотоочерк В. Андреева и В. Сметанина.

Раннее утро. Солнце еще не взошло, но в проходной Завода малолитражных автомобилей с каждой минутой становится все оживленнее: по дороге, по тротуарам, группами идут рабочие, направляясь в цехи — кузнечный, заготовительный, сборочный...

Вместе с рабочими по широкой асфальтированной улице шаюгай студенты Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана. Будущие инженеры пришли на завод, чтобы в цехах, на живом практическом деле изучить все тонкости своей спе-

Во дворе завода студенты увидели новую модель «Москвича». Они окружили машину тесным кольцом. Начальник лаборатории узлов экспериментального цеха, воспитанник Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, Артур Червинский (в центре) рассказывает будущим инженерам о новой машине. Кто-то из студентов, любящих автомобили, заметил: У нас, друзья, хорошая память останется о практике: ведь мы тоже участвуем в создании «Москвича» новой марки.

— В нашем цехе,— рассказывает начальник отделенки ретуирующих инструментов Дмитрий Едзавинович Коротинов,— радио повторяется одна и та же операция. Каждый день приходится делать что-нибудь новое. Сегодня одна деталь — завтра — другая, послезавтра — третья... Десятью или более раз подряд необходимо продумывать новые приспособления, приемы, расчеты. Самая же ни на что творческая работа...

В инструментальном цехе есть не совсем обычные станки. Они производят заточку червячных фрез почти самостоятельно. Надо только умело настроить механизм. Это отлично умеет делать Вячеслав Дубовик. Фрезы, которые он заточил на станке-полуавтомате, никогда не возвращаются из ОТК: студент работает без брака (снимок внизу).

циальности, закрепить знания, которые они получили в училище. Ведь чтобы стать настоящими инженерами, надо знать практически, самостоятельно поработать на станках, освоить сложную современную технику.

Практиканты сразу почувствовали себя на заводе, как в родной семье. Рабочие, мастера, инженеры делились с ними самыми заветными в мастерстве, помогали овладеть «секретами» технологии современного автомобильного производства.

Вот стоит у станка-полуавтомата Вячеслав Дубовик. Рядом с ним — Виктор Нагорнов. Над токарным станком склонился Мисир Колесников. За сложнейшими агрегата-

Через дорогу от инструментального цеха — обширный зеленый, сверкает на солнце изумрудные брызги. От воды веет приятной прохладой. В обеденный перерыв практиканты часто собираются здесь, чтобы поговорить об учебе, работе, о будущем.

ми в автоматном цехе трудятся Геннадий Прохоров, Владимир Тузов, их друзья из Румянской Народной Республики Александр Хитов, Данил Рабинович и другие студенты. Практикантов уже не отличить от рабочих, которые стоят за соседними станками: такие же уверенные, тонкие движения. Юноши и девушки постигли хитроумное устройство автоматов и механизмов и сейчас умело управляют ими.

А как приятно, когда станок, налаженный тобою, работает четко, когда пирамидка готовых деталей растет буквально на глазах и уважаемый всеми мастер в конце смены нимомодом скажет: «Моделю!»

Студентов увлекла самостоятельная работа в цехе. Захотелось узнать о производстве еще больше, подробнее. Место у станков возникли задуманные беседы практикантов с рабочими, мастерами, инженерами. О новаторских приемах, о прогрессивной технологии, о новых механизмах и приспособлениях, облегчающих труд и повышающих его производительность, хотели знать будущие молодые специалисты. Все теоретические выводы подкреплялись на деле, все можно было не только увидеть, но и испытать самому. Перед юношами и девушками шаг за шагом, от одного заводского участка к другому, раскрывались истоки бесценных технологических «рек и ручьев», по которым детали и узлы «Москвичей» стекаются в цех сборки, на главную конвейерную...

...Много нового узнали студенты на практике. Работая у станков и выполняя самостоятельно различные производственные задания, они выявили свои творческие возможности, еще больше полюбили будущую профессию. Став после окончания училища инженерами, они придут на заводы, фабрики, стройки, чтобы сплотить отдаленные знания родному народу.

НА ВЛАДИКЕ. Наступил сентябрь. Начался учебный год. Впервые Наташа идет в школу. Ей только недавно исполнилось семь лет. Наш фоторепортер В. Тюник в явь сила в нем вранья прогулял в паре. Наташа в раздумье: в школу с сумкой не пустит, надо прощаться со своей любимчиной...

Комсомольцы Борис Шалаев, Владимир Пряников и Марк Цвик недавно окончили Московский энергетический институт, а Екатерина Шульцова — Ленинградский политехнический. Сейчас все они работают на строительстве Камской гидроэлектростанции и считаются на стройке лучшими производственниками.

+

Перед тем как выйти в Камское море, суда проходят через шлюз.

У самого южного моря

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

Фото В. Сметанна.

Мы как-то привыкли к тому, что вокруг нас все время совершаются такие необычайные, сказочные дела, о которых прежде писалось только в научно-фантастических романах. Нашего современника трудно чем-нибудь удивить. Ему знакомы и свист реактивных самолетов, и тысячерукая мощь экскаваторов-великанов, и предельная точность умных приборов. Он участник грандиозных строек и свидетель рождения новой изумительной силы — атомной энергии. Он воздвигает невиданные доселе грандиозные плотины и создает моря в безводных степях.

Давно ли отшумели первые штормовые ветры над степным Цимлянским морем! И вот уже новое юное море расплескало свои воды в уральских таежных лесах.

Камское море...

Первое море на Урале, созданное руками человека!

Оно начинается неподалеку от порога Молотова, вверх по течению Камы, — там, где бетонная громада плотины, перехлестнув речную ширь, врзалась в правобережное взгорье. Привольно, на многие десятки километров, разлилась беспокойная водная синь,

сдерживаемая гигантскими земляными дамбами. В иных местах море разлилось так широко, что лишь в ясную погоду виден его противоположный берег.

И бывалые капитаны, уходя в рейс, с беспокойством спрашивают о погоде, не гуляет ли на Камском море шторм. Как-то даже странно слышать разговоры между речниками о штормах здесь, на Урале...

Перед тем, как выйти в Камское море, суда проходят через шлюз. Круглые сутки принимает шлюз пароходы и баржи, груженные углем, нефтью, металлом, цепочки плотов. Мощные электровозы, курсирующие вдоль шлюзовых стен, перетаскивают плоты из камеры в камеру.

Навигация в полном разгаре, и у эксплуатационников шлюза горячее время. Ночью работы не меньше, чем днем.

...Мы пришли на шлюз, чтобы познакомиться с работой комсомолки Раисы Плотниковой, одной из лучших судопропускниц. Был уже поздний вечер, но вокруг сияло такое множество электрических огней, что весь шлюз длиной в полтора километра просматривался насквозь, из конца в конец. В заполненных водой камерах

стояли катера, баржи, пассажирские пароходы. Все это скопище судов, потоком продвигаясь из камеры в камеру, гудело моторами, шипело паром, шлепало плитами колес. По палубам прогуливались пассажиры, пожертвовавшие сном ради интересного зрелища. С любопытством смотрели они на могучие фермы железнодорожного моста, переброшенного через шлюз, на массивные ворота камер, на гирлянды ярких огней, отраженных в черной маслянистой воде.

Раису Плотникову мы нашли у кирпичной будки седьмой головы шлюза.

С увлечением рассказывала она, как их коллектив соревнуется в честь XX съезда КПСС с судопропускниками других смен, о том, как борются здесь за сокращение времени шлюзования, за четкость и дисциплинированность в работе, как добиваются безаварийности.

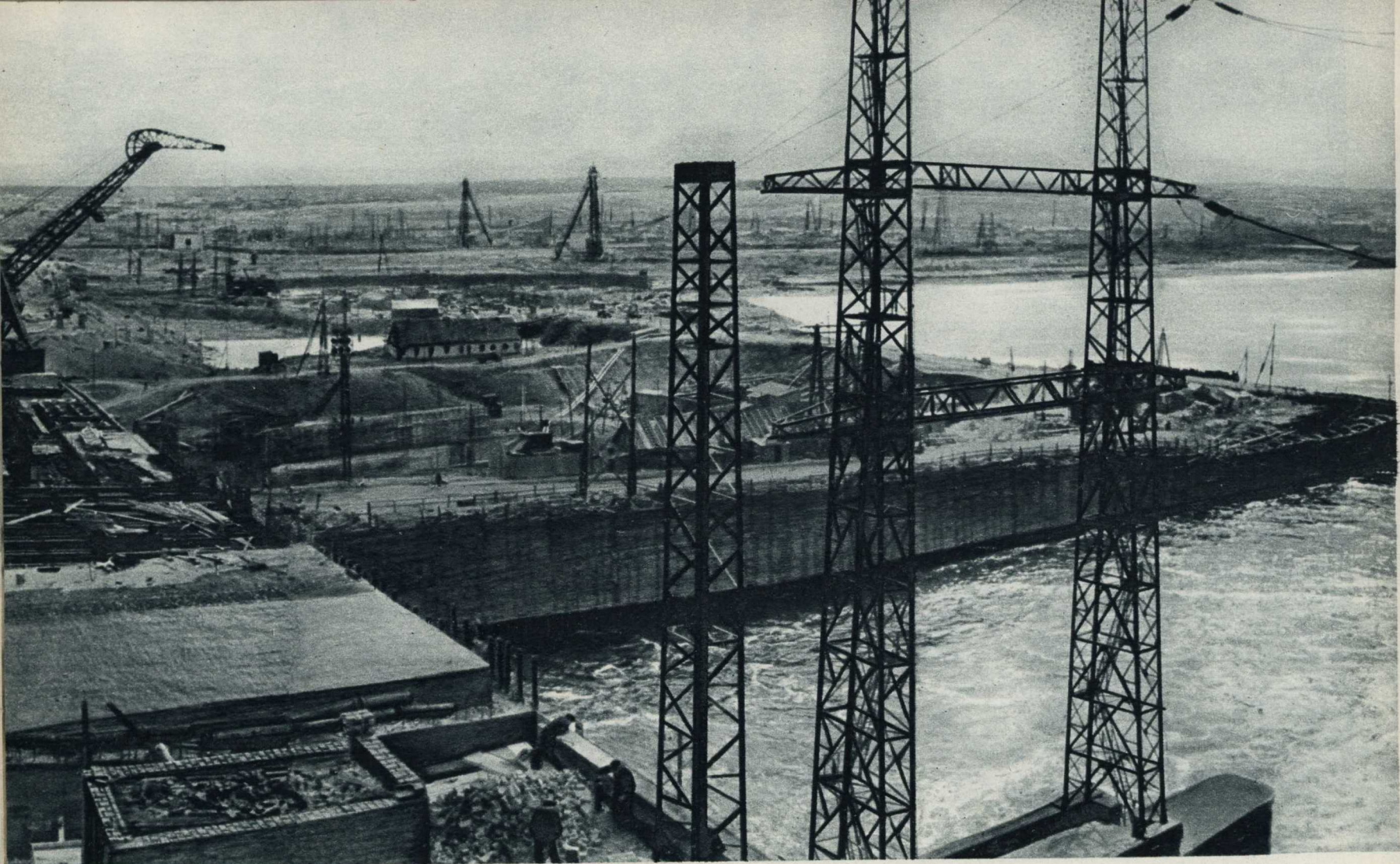
— О, извините, у меня плот! — озабоченно говорит девушка и, путаясь в полах своего широкого плаща, спешит к дальнему концу камеры, куда медленно входила громада плота, влекомая на канатах двумя электровозами.

Пока Раиса Плотникова принимала плот, мы познакомимся

Смена еще не окончилась, а электросварщик Африкан Напольских дневное задание перевыполнил уже более чем в два с половиной раза.

с самой юной работницей шлюза — дежурным электромонтером Риммой Ташлиной, тоже комсомол-

Широко развернулось строительство второй очереди Камской ГЭС.

Комсомольско-молодежная бригада Вадима Соколова устанавливает арматуру на консоле верхнего бьефа. Члены этой бригады работают на стройке с самых первых дней.

кой. Этой светлоглазой девушке всего двадцать лет. Она сидит за столиком в чистой просторной будке, внимательно следя за сигнальными лампами и электроприборами на щите управления. Римма старательно, совсем по-школьному, вписывает в судопропускной журнал названия проходящих судов, караванов, время их шлюзования.

Это ее первая самостоятельная работа. В отличие от Раисы Плотниковой, которая на шлюзе проводит вторую навигацию и считается уже опытной судопропускницей, Римма приехала на Камскую ГЭС нынешней зимой, закончив после десятилетки курсы электромонтеров.

— Специальность эта очень нравится мне, — говорит Римма. — Буду продолжать учиться. Сейчас готовлюсь поступить на заочное отделение Ленинградского индустриального института.

Неожиданно из переговорной трубки раздается команда. Это Раиса Плотникова отдает распоряжение открыть ворота. Римма быстро поворачивается к пульту управления, и ее маленькая узкая рука нажимает рубильник. С минуты гулко шумит электрическая лебедка, сухо пощелкивают тросы. После этого в будке снова водворяется тишина: путь каравану открыт. Слышатся басистые гудки — это электровозы потянули плот к речному фарватеру.

Входит Раиса Плотникова и, расстегнув плащ, присаживается на скамью. Лицо девушки влажное, все в дождевых капельках; глаза живые, смеющиеся. Раиса продолжает свой рассказ. Она говорит о том, как впервые приехала на стройку из родной уральской деревни вместе с подругой Клавой Чесноковой, как училась в школе рабочей молодежи и сдала нынче весной экзамены за седьмой класс, делится своими планами на будущее. Эта трудолюбивая, настойчивая девушка тоже жаждет учиться, она думает поступить в машиностроительный техникум.

На шлюзе немало юношей и девушек, которые так же, как и Раиса и Римма, хорошо трудятся и готовятся продолжить свое образование.

В голубой вышине поют на ветру провода высоковольтной линии. Первые шесть генераторов уже посылают промышленный ток городам и селам, вырабатывают самую дешевую на Урале электроэнергию.

На Камской ГЭС будут работать двадцать четыре гидротурбины, общей мощностью в полмиллиона киловатт. Все агрегаты устанавливаются в бетонном теле водосливной плотины; отдельного здания электростанции здесь нет. Это — новшество в отечественном гидростроительстве.

...По крутой лестнице мы спускаемся внутрь бетонной плотины и попадаем в приагрегатный зал ГЭС. Это — сердце электростанции. Просторное помещение с покатым сводчатым потолком ярко

освещено. Пол и стены, выложенные кафелем, сверкают белизной. Поблескивают новенькие корпуса регуляторов гидротурбин. Железные лестницы и площадки ведут к гидрогенераторам. Мягкий и ровный гул вращающихся турбин наполняет помещение. Здесь царство современной автоматике. Людям остается лишь наблюдать за работой машин, подчиняя их своей воле.

Среди эксплуатационников гидростанции много молодежи. В приагрегатном зале мы встретились со старшим мастером турбинного цеха комсомольцем Александром Чекуновым, бригадиром по ремонту оборудования.

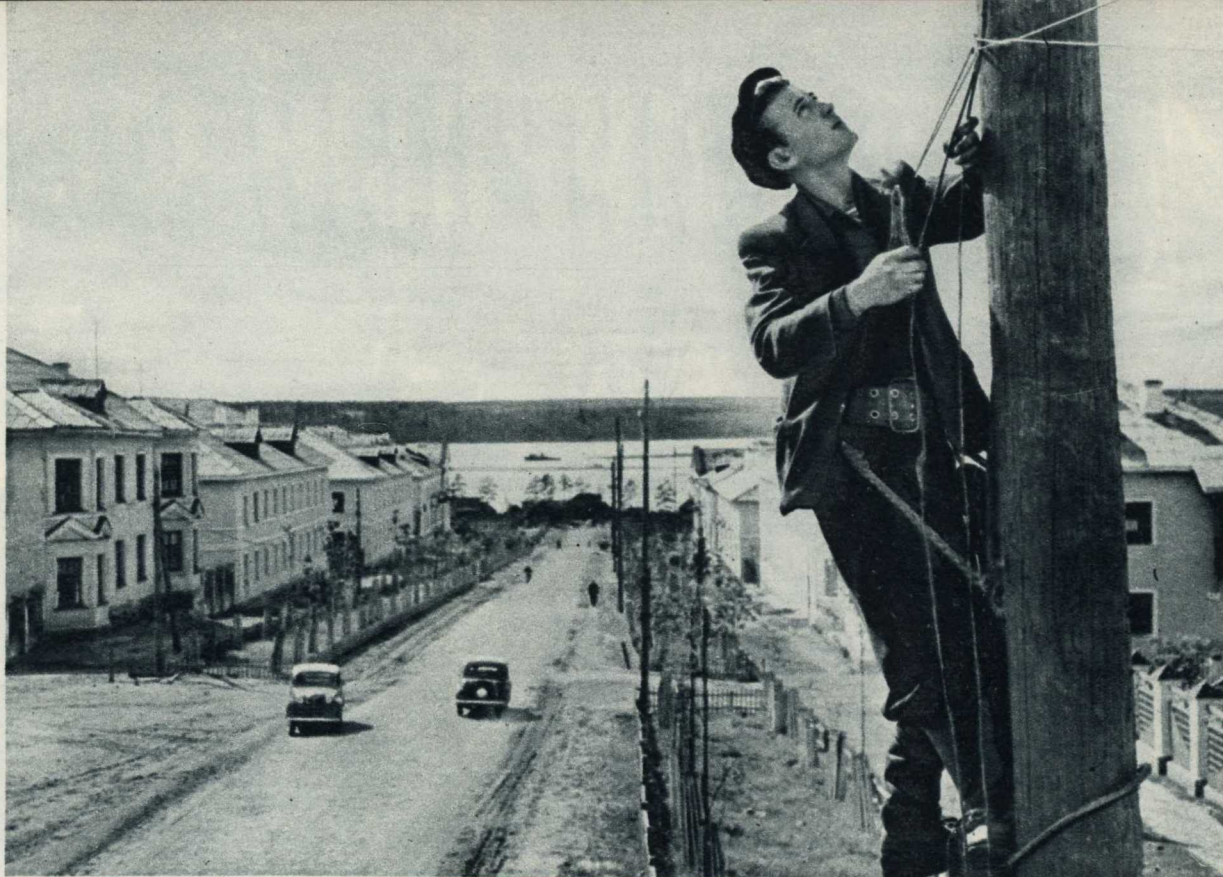
Александр Чекунов приехал сюда из Ленинграда после того, как он окончил с отличием энергетический техникум. Александр не искал легких дорог в жизни. До техникума он почти семь лет работал в родном Сталинграде, на металлургическом заводе «Красный Октябрь», где стал мастером прокатного цеха и без отрыва от производства закончил десятый класс в вечерней школе. Настойчивого, волевого юношу неудержимо тянуло к знаниям, и он, упорно преодолевая трудности, шел к своей цели. Сейчас комсомолец Александр Чекунов поступает заочником в индустриальный институт на гидротурбинное отделение. В недалеком будущем он получит диплом инженера. Этот энергичный юноша отлично справляется со своими обязанностями. Его ремонтная бригада всегда на хорошем счету. Когда однажды неожиданно вышел из строя первый гидрогенератор, чекуновцы быстро справились с повреждением — тур-

бина была пущена на сутки раньше срока.

В комитете комсомола нам называли имена многих юношей и девушек, которые отлично проявляют себя на различных участках стройки. Одни из них — «старожилы», другие работают на Камском гидроузле сравнительно недавно. Много хорошего довелось нам услышать об электромонтажнике Борисе Угарове. Мы разыскали его на плотине, на верхней эстакаде, где стояли огромные, в три человеческих роста, рабочие колеса турбин с изогнутыми лопастями. Их готовили к установке в турбинные шахты ГЭС. Электромонтажники работали наверху, переходя от колеса к колесу по переброшенным доскам. Мы крикнули снизу девушкам-электрикам, чтобы они позвали Угарова.

— Он говорит, чтоб сюда лезли! — хором ответили девушки, которые, должно быть, отлично чувствовали себя на этой головокружительной высоте под ярким солнцем в своих легких кофтах и лыжных шароварах.

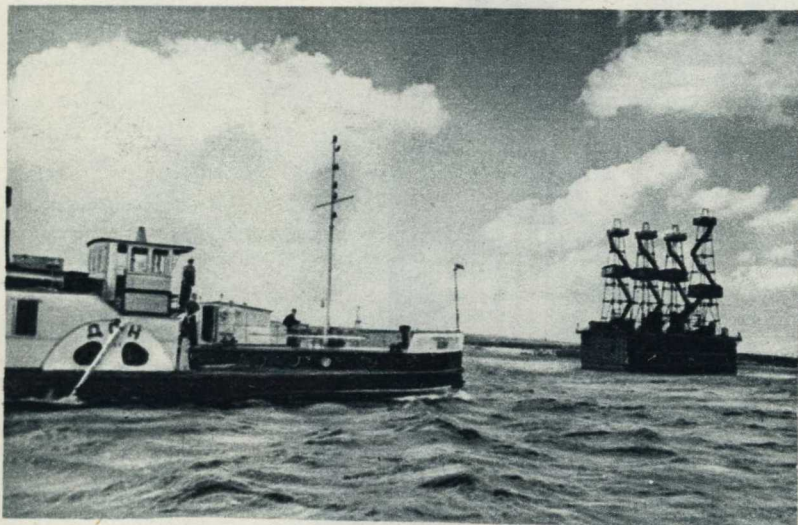
Борис Угаров оказался девятнадцатилетним юношей, очень застенчивым и малоразговорчивым. Не так-то легко было вызвать его на разговор.

На берегу Камского моря строятся новые поселки. Скоро в этих домах зажгутся яркие огни. Электроэнергия своя: она поступает с Камской ГЭС. На снимке: электромонтер-комсомолец Николай Вяткин тянет провода в квартиры рабочих.

Раньше Палазненский нефтепромысел был сухопутным, теперь он морской...

Путевой мастер М. Н. Кашин, моторист А. С. Сыропятов и монтер А. Мезенцев устанавливают большие озерные бакены вместо прежних — речных.

— Работаем, стараемся, — сказал он. — План выполняем. А в общем ничего особенного.

Но понемногу Борис разговорился. Этот скромный паренек, оказывается, уже успел сделать много полезного для Родины. В годы, когда его сверстники сидели еще за школьной партией, он уже побывал на нескольких стройках. Работал и учился. Шестнадцатилетним юношей Борис поступил электромонтером на одну из строек в Вильнюсе, потом участвовал в монтаже земснарядов на строительстве Каховской гидроэлектростанции. На Иртыше Борис Угаров монтировал гидрогенераторы Усть-Каменогорской ГЭС. Нынешней зимой он приехал на Каму. В детстве Борис мечтал стать геологоразведчиком, разгадывать тайны нехоженых земель. Но с годами его захватила романтика великих строек и покорения рек.

— Это на всю жизнь теперь мне — строить гидростанции, — говорит Борис. — В будущем году закончу школу. После этого думаю в энергетический поступить.

Самоотверженно трудятся на Камгэсстрое молодые рабочие, мастерски управляют самыми совершенными машинами и меха-

низмами, которыми так богато насыщена стройка.

На борту комсомольского земснаряда № 16, которым управляет лучший начальник землесосов страны Иван Лысенко, бережно хранится знамя соревнования гидромеханизаторов. Экипаж систематически перевыполняет план. Даже стужа ранней уральской осени ничем комсомольцам. Борясь с обледенением земснаряда, этот молодежный экипаж каждую осень намывает грунта больше, чем другие земснаряды.

Тысячи тонн арматуры прошли через руки комсомольца Владимира Соколова. Его молодежная бригада славится высокой производительностью: две нормы — это обычная для нее выработка. Соколову привелось работать на всех объектах ГЭС, где укладывался бетон и где нужны были умелые руки сварщика.

Молодежь всюду, на всех боевых участках, где стоит неумолчный строительный гул. Сильные юные руки соединяют металл с бетоном, поднимают ввысь плетину, крутят баранки грохочущих самосвалов, двигают громады кранов, собирают новые турбины, возводят дома.

V ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Тридцать тысяч юношей и девушек из 114 стран собрались на этот величественный праздник молодости. Две недели в Варшаве не смолкали песни народов мира, улицы были полны веселого разноязычного гомона. Всюду можно было видеть участников фестиваля. Они шли, крепко взявшись за руки, — англичанин с малайцем, поляк с немцем, француз с вьетнамцем.

Фестиваль открылся в тот момент, когда стали известны итоги Женевского совещания. «Мир и дружба!» — скандировали делегаты на каждой встрече, на каждой манифестации. Они повсюду повторяли слова клятвы, ставшие девизом Варшавского фестиваля: «Пусть мирным будет небо над каждой страной».

Невозможно даже вкратце рассказать о всей программе фестиваля. Незабываемым останется день его открытия, показавший единые стремления миллионов молодых сердец. На торжественном празднике урожая присутствовало 30 тысяч юношей и девушек. На митинг в день десятой годовщины атомного нападения на Хиросиму собралось 20 тысяч делегатов; он явился могучей демонстрацией молодежи против атомной войны. Огромный интерес вызвал «костер солидарности» с молодежью колониальных стран. На нем присутствовало свыше 40 тысяч человек, которые заявили о своей поддержке молодого поколения, борющегося за освобождение от колониального ига.

Юности присуща любовь к песне, танцам, туризму, спорту. Но многочисленные музыкальные конкурсы, карнавалы, кинофестивали, спортивные соревнования — это не самоцель, это дорога к еще большей дружбе молодежи.

В художественных конкурсах фестиваля участвовало около тысячи человек из 35 стран. На этих конкурсах присутствовало 35 тысяч зрителей. Звание лауреата V Всемирного фестиваля присуждено 248 молодым артистам из 29 стран. На варшавских экранах демонстрировалось 116 кинофильмов, привезенных молодежью 25 стран. Кроме того, было показано 108 документальных фильмов от 16 стран. На 500 киносеансах побывало свыше 600 тысяч зрителей.

Больше трех тысяч молодых спортсменов и спортсменок из 38 стран состязались в ловкости и силе. На международных спортивных играх молодежи советские спортсмены завоевали около 300 медалей, из них 145 золотых и 81 серебряную. Возросшее мастерство показали польские, чехословацкие, румынские и китайские спортсмены.

Участники фестиваля познакомились с жизнью молодежи всего мира. С этой целью в Варшаве была организована огромная документальная выставка, рассказывающая о жизни молодого поколения 80 стран. На художественной выставке были представлены экспонаты из 46 стран. Эти замечательные выставки посетило около 300 тысяч человек.

Варшава, все ее жители радушно, как самых дорогих гостей, приняли посланцев молодежи мира. В распоряжении делегатов было 450 автобусов и 1 200 открытых грузовых машин.

Участники фестиваля всегда с чувством благодарности будут вспоминать гостеприимство польской молодежи, ее дружеские чувства и заботу. Сто пятьдесят тысяч польских юношей и девушек показывали своим зарубежным братьям и сестрам, как живет и работает польское юношество. В день, посвященный польской молодежи, делегаты выразили свои искренние чувства дружбы и признательности к польскому народу. С большой радостью наблюдали все, как 100 тысяч поляков в спортивных и народных костюмах прошли в параде перед 300 тысячами зрителей. Это шагала счастливая юность счастливой страны.

Делегаты никогда не забудут дней, проведенных на фестивале в Варшаве. Они увезли с собой большие мысли, смелые мечты о лучшем будущем. Они сказали друг другу: «Пусть будет мир на земле!»

От Дворца науки начался фестиваль к стадиону

путь участников
Десятилетия.

В гости к советской молодежи пришли индийские друзья.

На фестивале, как друзья, встретились молодые голландцы и вьетнамцы.

↑
По стадиону проходит делегация молодежи
СССР.

Посланцы разных стран сажают деревья
на аллее Дружбы. Слева — делегатка совет-
ской молодежи, знатная прядильщица Се-
рафима Котова.
↓

Ион ГРИГОРЕСКУ

Рисунки Ф. Лемкуля.

МАЧТА

Рассказ

Иону Григореску двадцать пять лет. Он родился в городе Плоешти в семье рабочего-нефтяника. Детство Григореску прошло в старой Румынии. Мальчик видел и не раз испытывал на себе несправедливость окружавшего его мира.

После освобождения страны жизнь простых тружеников Румынии неузнаваемо изменилась. Широкие пути открылись и перед Ионом.

С восемнадцати лет Григореску стал сотрудником газеты «Фламура праховея» в Плоешти. Вскоре его очерки начали появляться и в бухарестских газетах. После первого совещания молодых писателей Румынии талантливого журналиста направили на учебу в Советский Союз в Литературный институт имени А. М. Горького.

Успешно осваивая учебную программу, изучая русский язык, Ион Григореску вместе с тем много работал над новыми произведениями. В Румынии вышла книга его очерков «Письма из Москвы».

В этом году Ион Григореску окончил институт. В качестве дипломной работы он представил сборник рассказов, написанных в годы учебы. Рассказ «Мачта», который мы публикуем, является составной частью дипломной работы Иона Григореску.

Вот что пишет руководитель творческого семинара Литературного института писатель К. Г. Паустовский о своем питомце:

«Григореску — талантливый молодой румынский писатель, сочный реалист, прекрасно знающий все, о чем он берет писать. Это человек, прошедший серьезную школу очерковой работы. При энергии Григореску, его способности твердо выполнять поставленные самому себе литературные задачи, хорошему глазе, жадности к каждому характерному жизненному факту он, безусловно, даст еще много хороших вещей...»

Не знаю, как в других местах, но у нас пэкурцом называлась пропитанная мазутом земля, а пэкурарами — люди, добывающие из нее мазут.

...В чугунной печке догорал последний ком пэкурца. Учитель Тудоран сидел за кафедрой в пальто и рассказывал:

— Когда Хория, Клешка и Кришан¹ созда-

¹ Народные герои крестьянской революции XVIII века.

ли своих братьев, поднялись все Западные горы. Пришли моцы² с топорами и тяжелыми палицами. Они пели свою песню: «Наши горы золото несут, мы же милостыню просим у дверей...»

В классе было дымно и холодно. Мы старались не держать ноги на полу, приподнимали их и потирали одна о другую. Школе уже давно не давали дров. Если сжечь парту, ста-

² Жители Западных гор Трансильвании.

ло бы теплее. Но тогда четверым из нас пришлось бы сидеть на полу. Ведь школа наша маленькая. Две комнаты — только и всего. В одной, где стояли шесть парт, занимались мы, в другой жил господин учитель Тудоран.

Господин учитель поднялся, плотнее запахнул пальто и нагнулся к пустой корзине, стоявшей у печки.

— Подождите меня, дети! Я сейчас вернусь.

— Куда вы идете? — спросили мы.

— За пэкурцом. Надо закончить сегодня урок.

— Разрешите мне пойти?.. — Я протянул руку за корзиной.

Учитель молча взглянул на меня. У него были большие желтовато-карие, как будто слегка закопченные дымом глаза. Когда учитель смотрел на тебя, появлялось такое чувство, словно он видит насквозь.

Схватив корзину, я бросился к выходу, но в дверях обернулся и попросил учителя:

— Не рассказывайте, пожалуйста, дальше...

— Хорошо. Мы поговорим о чем-нибудь другом.

Я выбежал из школы. Предместье было пустынным, замерзшим. Казалось, что дома погребены в снегу. С тех пор, как во всех дворах были срублены акации и распилено последнее ореховое дерево, росшее посреди пустыря,

предместье стало похоже на госпожу Леону, которую муж, уезжая на военную службу, остриг наголо.

Из труб нефтеперегонных заводов, которые находились по ту сторону железной дороги, валил густой дым. Ветер нес его над домами.

Впереди меня по протоптанной в снегу тропинке шагала повивальная бабка Аника. Голову она обмотала длинным шарфом, а поверх надела шляпу.

— Конiec света! Господи! Конiec света! — бормотала она.

Бабка шла к речке. Она волочила за собой таз с дырявым дном. Я обогнал ее, перебрался на другую сторону железной дороги, которая была границей предместья, и, задыхаясь, остановился на берегу Дымбицы.

Всякий раз, когда я приближался к этой грязной речушке, меня охватывало странное чувство. Мне чудилось, что Дымбица чем-то похожа на сказочную мертвую воду: такая же жирная, зеленоватая, теплая и зловонная. Летом на сожженных берегах Дымбицы не росла трава, а зимой, даже при большом морозе, таял снег. Однажды я осмелился подняться вдоль берега реки до того места, где она уходила за забор нефтеперегонного завода. Потом я обошел забор кругом, но продолжения реки не нашел. Особенно речушка пугала нас, детей, когда на дне ее лопались трубы и на поверхность всплывала нефть. Нередко она воспламенялась от искр, вылетающих из топок паровозов, и тогда огонь с шумом поднимался над рекой. Страшно было и осенью, когда на берегах Дымбицы собирались ревматические старики, верившие в чудотворные свойства мазута. Охая и кряхтя, они целыми часами сидели, погрузив ноги в черную воду.

Я отыскал удобное место, перепрыгнул на другой берег, опустил корзину на землю и принялся вырезать перочинным ножом куски земли. Берега Дымбицы были выщерблены. Люди рыли пэкурец как попало, и поэтому ямы для собиpания мазута, выкопанные пэкурарами, скрывались под водой. Вот и сейчас, когда я поковырял ножом маленькую насыпь, мазут поплыл по течению, уносимый водой.

Я наполнил корзину и, испуганный теньями, смутно вырисовывавшимися сквозь густой пар, перепрыгнул на другую сторону. Чтобы успокоиться, я думал о том, что в школе опять станет тепло и что господин учитель будет рассказывать о Хорне, Клешке и Кришане и о людях с Западных гор.

— Стой, злодей, убью! — раздался у меня над ухом хриплый голос. Я чуть не свалился в речку, но кто-то схватил меня за воротник пальто и приподнял.

— Что у тебя в корзине?!

— Земля, сударь...

— Ага!.. Это вы крадете у нас мазут?!

«Пэкурар!» — подумал я, и дрожь охватила меня. Это был черномазый долговязый дегина в лохмотьях, испачканных мазутом. Из-под лба, повязанного грязной тряпкой, на меня со злобой смотрели блестящие глаза. Пэкурар опрокинул мою корзинку и отобрал у меня нож.

— Ты чей?

— Мальяра, сударь. Сын Тити Панаите, мальяра...

— Если еще раз поймаю, — убью!

— Не убивайте меня, сударь! — еле слышно пролепетал я.

Пэкурар опустил меня на землю. В нескольких шагах от нас к берегу спускалась бабка Аника со своим тазом. Пэкурар бросился к ней. Я не стал ждать его возвращения, поднял корзину и побежал к школе.

Пэкурары были грозой Дымбицы. Этими страшными людьми, пропитанными мазутом, пугали детей. Учитель Тудоран рассказывал нам, что первый пэкурар обосновался на берегах Дымбицы много лет назад. Он занялся странным для местных жителей делом: собиpал мазут с поверхности воды и на этом сколотил целое состояние. Ходили слухи, что он нашел клад. Потом появилось много пэкураров. Они разделили речку между собой, вырыли канавы и ямы вдоль берегов и с помощью деревянных запруд собирали мазут, который развозили в бочках по деревням Трансильвании. Занимаясь этим каторжным трудом, они мечтали о сокровище, найденном первым пэкураром.

Я вбежал в класс. Все с удивлением смотрели на меня.

— Что такое, Панаите? Что случилось? — спросил учитель.

— Пэкурар, господин учитель!.. Он отобрал у меня землю. Он сказал, если поймает еще раз у Дымбицы, то убьет...

Учитель взглянул на пустую корзину, которую я бросил за печку.

— Значит, теперь у нас не будет даже пэкурца, — прошептал он.

Ребята подталкивали меня и шепотом спрашивали:

— Он был один?

— Как ты удрал?

— Он хотел задушить тебя?

В это время с улицы послышались крики. Кто-то звал на помощь. Остервенело залали собаки. Мы высыпали на двор. Вдоль домов с криком бежала бабка Аника, следом за ней гналось несколько пэкураров. Среди них был и тот, который отнял у меня ножик.

Пэкурары отчаянно ругались и клялись прикончить каждого, кого поймут на берегу Дымбицы. Вскоре они удалились, осыпаясь проклятиями жителей.

Мы вернулись в холодный класс. Господин учитель дрожал сильнее нас и кашлял. Урок о восстании мочов остался незаконченным.

— Приходить нам завтра?

— Приходите. Может быть, мне удастся раздобыть немного дров.

Люди предместья попрятались, как улитки в свои раковины. На улицах ни души. На фоне свинцового неба чернели пустые пасты дымоходов. Дым шел лишь из трубы торговца Боча.

По дороге в школу я заглянул к Цику, сыну цыгана Данчу. Когда я вошел, он приставал к своему деду, который держал в высохших руках закопченную скрипку и деревянный футляр.

— Коробку, бабаке! Я истоплю ею печку, согреюсь и побегу стащить дров. Хоть немножко поноухать дыму! Ты же не возьмешь ее в могилу?

Старик, скорчившись, сидел в углу комнаты на груде тряпок и еще крепче прижимал к себе почерневший футляр. Он казался испуганным.

— Все равно я сожгу ее, бабаке. Чтобы у меня счастья не было, если не сожгу!

Увидев меня, Цику оставил старика в покое и сказал:

— Пошли в школу. Учитель, наверное, достал дров.

Ключ от класса мы нашли над дверью, куда его, уходя, обычно клал господин учитель. Нас было человек десять. Печка в углу стояла холодная, но мы все же сгрудились вокруг нее, ожидая учителя. Время от времени мы подходили к окнам, вытягивали губы и дули на лед, который покрывал стекла. Когда появлялся прозрачный пятак, мы смотрели на улицу, но видели только сугробы снега за оградой школы да высокую полатую мачту, стоявшую посреди двора. Мачта была окрашена триколором². Десятого мая³ и в день рождения короля — на ее верхушку поднимали флаг.

Мы не заметили, как вошел учитель. Вид у него был унылый.

¹ Отец (нар.).

² Расцветка румынского государственного флага.

³ День коронации румынского короля.

— А, вы здесь? Сегодня не будем заниматься. Дров нет. Черт побери префекта!

Мы встали.

— Нет, постойте!

Учитель взглянул на нас, потом осмотрелся по сторонам, нет ли чего годного для огня. Ничего не было. Одни парты, испарянные нашими ножами, и черная доска на хромых ножках. Вдруг учитель улыбнулся, снял пальто и позвал нас во двор. Захватив с собой топор, он направился к мачте. Когда мы расчистили вокруг нее снег, Тудоран взмахнул топором.

Острые легко вошло в трухлявое дерево. Учитель тяжело дышал, но щеки его раскраснелись, и глаза весело блестели. Раза два он бросал топор и настроенно смотрел вдоль улицы. Мы чувствовали, что с ним происходит что-то необычайное, и, видя, с какой поспешностью он принимался вновь рубить, всячески старались помочь ему. Мачта была разрублена на восемь кусков, и мы втащали эти куски в класс.

Дерево загорелось в печке, трещи и распространяя резкий запах краски. Стекла начали быстро оттаивать, мороз уже казался далеким и нестрашным.

Когда кончился урок истории, учитель спросил нас, чем бы мы желали еще заняться. «Географией», — ответили мы. Господин учитель начал медленно говорить. Голос его тоже как будто оттаял, потеплел. Он показал нам, где на карте мира находится Румыния, рассказал, что по запасам нефти она занимает второе место в Европе, после Советской России. Мы чувствовали гордость за нашу страну и даже забыли о всех невзгодах, которые давили нас. Учитель, видя наши сверкающие глаза, улыбался.

— Хорошая у нас страна, ребята, да устроена плохо.

А куски мачты один за другим сгорали в

печке. Сын цыгана Данчу подталкивал их в огонь.

— Толкай, Данчуле, толкай! — кричали ему ребята.

Когда занятия окончились, Цику Данчу подобрал у печки оставшиеся щепки и спросил у господина учителя разрешения взять их.

— Чтoб я мог дедушку отогреть, сударь. Прошу вас. Иначе я сожгу его коробку. Замерзнет, бедняга, со своей скрипкой.

— Какую коробку?

— Коробку от скрипки, сударь.

Учитель разрешил взять щепки и еще дал ему три щепотки табаку.

— Возьми, Данчуле, отдай старику... И не трoгай футляра! Слышишь? Не смей сжигать его!

Без мачты предместье казалось еще более унылым. Зато школьный двор стал большим, просторным, как настоящее футбольное поле.

Придя в школу на следующий день, мы увидели, что господин учитель разговаривает в классе с каким-то человеком в фуражке железнодорожника. Человек этот вскоре ушел, и урок начался. Учитель казался рассеянным. Временами он смеялся вместе с нами, но чаще мурлыкал.

— Много еще от столба осталось, Данчуле?

— Только два куска, — огорченно ответил цыганенок.

Вдруг дверь отворилась, и в класс вошли двое. На одном из них было кожаное пальто с меховым воротником, перчатки и мохнатая шапка, другой же, карликового роста, с большим, как у перчаточников¹, портфелем, был одет в летнее пальто.

— Здравствуйте, господа! — строго сказал первый. — Учитель Тудоран Алекса?

— Да, Тудоран.

Учитель поднялся с кафедры и, побледнев, ждал. Мы подумали, что пришедший — школьный инспектор.

Господин с меховым воротником глянул поверх наших голов и подошел к печке.

— Кто был вчера в школе, пусть поднимет руку.

Почти все подняли руки.

— Это все, что осталось от мачты? — Он указал на кусок столба.

— Да! — ответило несколько голосов.

— Запиши, — сказал карлику меховой воротник. — Вы понимаете, что вы совершили, господин учитель?

Нет, это был не инспектор. Меня охватило чувство, похожее на то, которое я испытывал вблизи Дымбицы.

— Я спрашиваю, вы понимаете, что вы совершили?! — повысил он голос на учителя.

— Да, понимаю.

— Преступление!

— Вы преувеличиваете. Я не хотел, чтобы ученики мерзли... Два месяца школа была закрыта. Мы топили землей, пропитанной мазутом. Никто о нас не беспокоится. Префектура...

— Оставим это! — холодно отрезал господин с меховым воротником. — Дети могут уйти!

— Идите, мальчики, — ласково сказал господин учитель. — Приходите завтра, не забудьте сделать задание по арифметике.

Выйдя, мы спрятались за углом школы и стали ждать.

Спустя некоторое время вышел господин с меховым воротником, за ним карлик и учитель.

Карлик разгреб снег на том месте, где раньше была мачта, и, когда появился обрубленный пень, лизнул языком карандаш и что-то записал в книжечку.

Другой торопливо говорил. До нас долетали только отдельные слова.

— Его величество... Оскорбление... Воспитание...

Потом он вдруг остановился и сделал знак карлику:

— Опецатьвай!

Они заперли дверь школы и повесили на замок пломбу. Затем все трое: меховой воротник впереди, господин учитель посредине и карлик сзади — зашагали по улице. Проходя мимо, учитель посмотрел на нас долгим взглядом. Он кашлял и дрожал от холода. Мы пошли за ним, чувствуя, что его нельзя оставлять. На углу он обернулся и тихо сказал:

— Идите по домам, мальчики. Вы совсем замерзли. Ничего, я вернусь...

Он говорил уверенно, и мы остановились. Сделав несколько шагов, учитель снова обернулся и позвал меня.

В одно мгновение я был возле него.

— Передай людям, — сказал учитель, пусть вечером выйдут на линию. Я говорил с железнодорожниками. С вечерних поездов сбросят по несколько лопат кокса. Не забудь!

Я вернулся домой замерзший. Не раздеваясь, я упал на кровать и долго пролежал, чувствуя себя, как в бреду. Расслабляющая теплота обволакивала голову, руки, ноги, и в ее покое я слышал господина учителя, рассказывающего о нашей земле.

А когда начало смеркаться, из всех домов предместья вышли люди за коксом. Поезда, проходившие мимо, замедляли ход, и уголь сыпался черным градом. Мы собрали несколько корзин и для школы. Но господин учитель не вернулся ни на второй, ни на третий день.

Перевод с румынского.

МЕТАКСЭ

РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Наш южный город на рассвете розов,
Зарей и туфом розовым одет.
Под молотками у каменотесов
Запели камни песню древних лет.

Как хорошо пешком идти с вокзала,
Внимая песне камня и листвы!..
— Ты о себе рассказывай сначала
И о Москве на языке Москвы.

Рассказывай о памятной минуте
В твоей счастливой жизни и судьбе,
Когда диплом в московском институте
Вручили с поздравленьями тебе.

Язык Москвы понятен в Ереване,
Не говори со мною о любви,
Любой прохожий, услышав признание,
Поймет слова сердечные твои...

И ты, смеясь в ответ на фразу эту,
Сказал, к моей притронувшись руке:
— Здесь, в Ереване, слова по секрету
Нельзя сказать на русском языке.

Перевел с армянского
А. МЕЖИРОВ.

Малик ХАРИС

ЮНОСТЬ

О юность, радости родник,
Как ты пришла, я не заметил:
Тогда ль, когда к губам приник
Той, что милее всех на свете?

Была ли ты красой земли,
Иль сердца негасимой песней,
Иль дымкой утренней вдали,
Иль жаворонком в поднебесье?

Была ль ты синее весной,
В цветах идущей лугами?
Была ль ты яростной волной,
Сражающейся с берегами?

Ты, верно, музыка сама,
Грозы ликующей порывы...
Ты в миг могла свести с ума,
В минуту делала счастливым!

О юность, радости родник,
Как ты пришла, я не заметил:
Тогда ль, когда к губам приник
Той, что милее всех на свете?

Перевела с башкирского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Т. ТЕТЦОЕВ

МОЕ ПОЛЕ

Поле, жизнь моя, поле!
Ты, как сердце мое.
Кровью собственной полил
Я раздолье твое.

Не тебя, золотое,
Недруг жег и топтал —
Мое сердце живое
В горький прах обращал.

Не тебя истязал он,
Что ни день, то страшней —
Сердце мне разрывал он
Каждой бомбой своей.

Сотни павших за волю
Дорогой мне земли
В это сердце, о поле,
Как живые, вошли.

Вновь, под солнышком нежась,
Ты лежишь предо мной.
На рубцах твоих свежих
Кукуруза стеной.

Без границ ты, без края,
Но бескрайность твою
Все ж прикрыв от врага я
Верным сердцем в бою.

Перевела с осетинского
Эм, АЛЕКСАНДРОВА.

¹ Сборщики налогов.

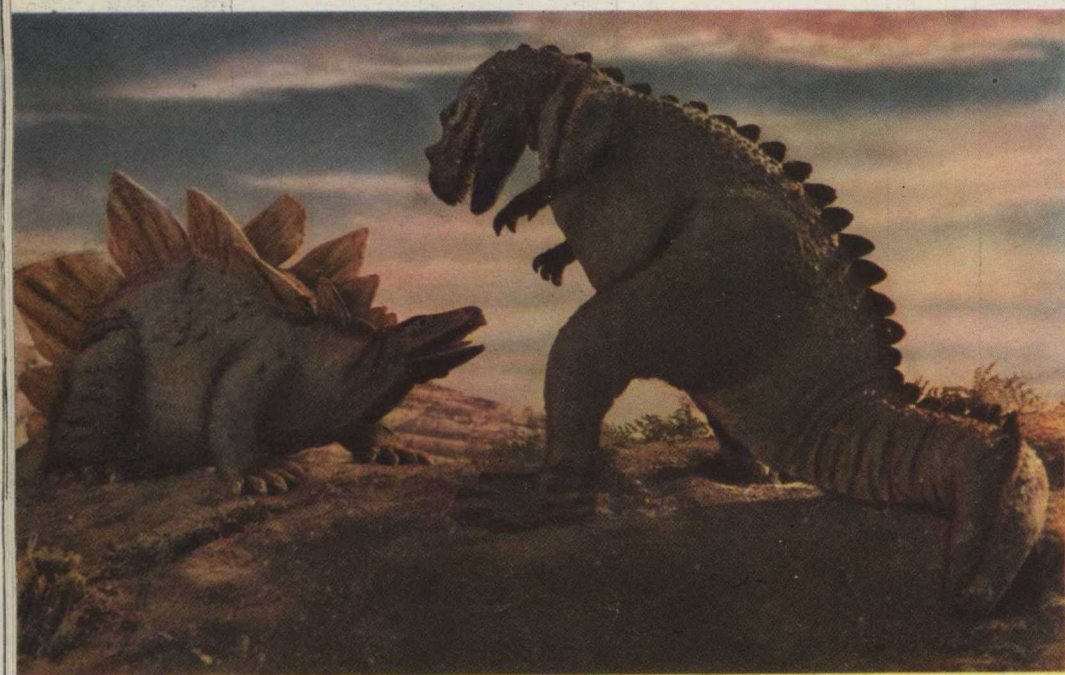
Почетно стать участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Светлана Короткевич из села Кневичи, Приморского края, учится в седьмом классе. Она уже завоевала это право дважды. Первый раз — в 1954 году за выращивание сои на пришкольном участке, второй раз — в этом году за высокие показатели по сбору урожая ягодных культур. На снимке: Светлана Короткевич на выставке рассказывает юннатам-землякам о своих успехах.

Фото В. Сметанина.

Мальчики-путешественники в изумлении рассматривают настоящего живого мамонта, который, ломая ветви, вышел из густого леса к самому берегу реки. Какая неожиданная встреча!

Много удивительных приключений ожидают мальчиков впереди в их необычной экспедиции, о которой красочно и ярко рассказывает фильм «Путешествие в первобытные времена», созданный чешским кинорежиссером Карелом Земаном.

Схватка гигантских ящеров — один из наиболее удачных эпизодов кинокартины. Она заснята с удивительным мастерством. Хищный ящер стремительно напал на стегозавра, длинными зубами впился в шею жертвы. Но в этот момент стегозавр мощным ударом хвоста отбросил противника в сторону. Кровь хлынула из груди ящера, и он с ревом отступил. Однако и стегозавр получил смертельные раны. Он вскоре затих, вытянувшись на песке.

Яростная схватка двух ящеров прошла на глазах у мальчиков, которые наблюдали за ней из-за укрытия. На следующее утро они собрались возле мертвого стегозавра. Как и полагается настоящим путешественникам, они сделали измерения и занесли свои наблюдения в путевой дневник. Уже много поразительных событий описано в этой потрепанной тетрадке, а путешествие еще не видно конца.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРВОБЫТНЫЕ ВРЕМЕНА

Карел ЗЕМАН,
чешский кинорежиссер

Мальчик Йирка нашел на берегу реки какой-то странный камень. Старшие товарищи объяснили Йирке, что это окаменевший трилобит, одно из первых живых существ на земле, вымершее миллионы лет назад.

Йирка потрясен. Во что бы то ни стало он хочет найти хотя бы одного живого трилобита. Друзья рассказывают Йирке, что в те далекие времена на нашей планете существовали и другие не менее интересные животные. Ребята идут в музей, и то, что Йирка увидел здесь, еще больше разожгло его фантазию.

Йирка предлагает товарищам отправиться путешествовать в первобытную эпоху. Смогли же это сделать герои Жюль Верна! А ведь в наши дни многое из того, о чем писал Жюль Верн, уже исполнилось.

Четыре юных путешественника собираются в путь. Погрузив в лодку все необходимое, они поплыли вверх по течению реки. Вскоре из-за леса показалось огромное животное, похожее на слона. Это был самый настоящий мамонт.

С ребятами происходят удивительные приключения. Они бродят по болотам под густыми зарослями мелового периода, выходят к древнему, архейскому морю. Путешественники обнаруживают стоянку первобытного человека, наблюдают яростный бой носорогов и страшную схватку первобытных ящеров, спасаются от преследования гигантской птицы, похожей на страуса, отбивают нападение птеродактилей, видят бронтозавров...

Об этой увлекательной экспедиции вглубь прошедших эпох рассказывает чехословацкий цветной полнометражный фильм «Путешествие в первобытные времена».

Идея создания фильма, показывающего, как выглядела жизнь на Земле миллионы лет назад и как изменялась она с течением времени, возникла не случайно. Научная книга на подобную тему может содержать самые детальные описания, но наглядного представления о жизни в первобытные эпохи читатель не получит. Эту задачу может выполнить кино. Только оно в состоянии «оживить» давно вымершие существа и воссоздать картину природы далекого прошлого.

Для того, чтобы сделать фильм по-настоящему интересным, необходимо было приблизить прошлое к настоящему, ввести зрителя в обстановку незапамятных времен. Избранная нами форма фантастического путешествия оказалась очень плодотворной.

Постановщики фильма стремились показать влечение юного поколения к новым открытиям. Окном в таинственный мир прошлого послужила детская фантазия. Но первобытная природа, в которую попадают мальчики, конечно, уже не из мира фантазии. Все детали фильма, вплоть до самых мельчайших, созданы на глубоко научной основе.

Прежде чем приступить к съемкам, нам пришлось прочитать немало трудов ученых-палеонтологов. Художники сделали множество эскизов моделей доисторических животных, а также декораций. В ходе фильма отважные следопыты попадают в условия пяти различных геологических периодов. Поэтому художники

должны были создавать не только отдельные модели растений и животных, но и целые первобытные пейзажи.

Вся эта сложная, кропотливая работа проводилась с помощью научных консультантов. Тесное сотрудничество с учеными позволило нам точно воспроизвести облик первобытных животных и растений.

Самой трудной для нас проблемой явилось «оживление» древних зверей. В фильме воссоздано около ста различных животных — от жирафов и диких лошадей до летающих великанов-птицеящеров и гигантских стрекоз мелового периода. Все эти существа по ходу действия бегают, прыгают, летают, плавают, дерутся. Движения каждого животного должны были соответствовать его величине, форме, весу. Чтобы успешно решить эту задачу, мы изучили повадки современных зверей, которые своим видом, «комплексией», хотя бы отдаленно напоминают вымерших животных. Пришлось также прибегнуть и к теории: произвести расчеты ритма движений чудовищ, весивших несколько десятков тонн.

Модели зверей были сделаны из специального материала. Снаружи их покрыли несколькими пластическими слоями — резиной, полотном, тонкой проволоочной тканью. Нам удалось настолько «оживить» свои модели, что они даже двигали скулами и шевелили складками кожи. Благодаря этому мы в значительной степени избежали впечатления топорности, которое, к сожалению, свойственно многим фильмам этого рода.

Чем дальше продвигалась работа, тем больше возникало трудностей. Наша модель бронтозавра, например, имела в длину лишь сорок сантиметров. А в действи-

тельности бронтозавры были гигантских размеров, по сравнению с ними даже слоны показались бы крошечными. Мы проделали десятки опытов, чтобы придать модели естественную тяжеловесность во время ее движения.

Много времени отняли у нас съемки животных в воде. Нужно было, например, показать небольших земноводных, которые водились в болотах известнякового периода. Для этого мы построили небольшое, но замысловатое приспособление, которое могло двигаться под водой. Сложный механизм соединял его с моделями животных. В результате нам удалось показать первобытных обитателей лесов известнякового периода в их стихии — воде.

Съемки происходили в студии кукольных фильмов и в обычных павильонах киностудии на фоне декораций первобытной природы. Ряд кадров снимался в Словакии и на морском побережье Германской Демократической Республики.

Особенно сложными были съемки, в которых одновременно участвовали мальчики-путешественники и первобытные звери. Мы использовали последние достижения кинотехники, для того чтобы добиться соответствия частей картин. Ведь одни кадры снимались методом маски на фоне природы, а другие — при искусственном освещении.

...Пустой, безжизненный пейзаж. Шумят волны безбрежного моря, набегая на голые скалы. Четыре юных путешественника с напряжением вглядываются вдаль. И вдруг раздается торжествующий крик Йирки. Здесь, на побережье архейского моря, нашел он наконец трилобита, из-за которого и было затеяно все это необычайное путешествие.

Маленький Йирка сумел осуществить свое желание. Он познакомился с историей нашей Земли, узнал, какие огромные изменения произошли в развитии жизни на нашей планете.

Фильм «Путешествие в первобытные времена» с интересом принят юными зрителями.

Хорошо сыграли свои роли четверо школьников из Праги и Готвальдова. Съемки фильма происходили в дни каникул. За это время юные артисты проделали очень большую работу. От съемки к съемке возрастала их уверенность. В конце концов им пришлось играть самих себя. Детям свойственно мечтать о необычайных путешествиях и приключениях.

Перевод с чешского.

Один из рабочих моментов съемки фильма.

«БОРОТЬСЯ—ПУТЬ ЖИЗНИ МОЕЙ...»

МЫ ВЕРИМ!

В конце прошлого года в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо японских патриотов к советским людям. Авторы этого письма — обвиняемые по так называемому «делу Мацукава». «Дело Мацукава» — политический судебный процесс, который длится вот уже шесть лет. Он сфабрикован реакционными кругами с целью подавления справедливой борьбы японского народа за мир, свободу и национальную независимость.

Ни голод, ни жестокое обращение не сломили волю патриотов. И в тюрьме они бесстрашно и мужественно продолжают свою борьбу. Восемь из них создают гневные патриотические стихи. Лучшие стихотворения поэтов-рабочих вошли в сборник «Песни к 80-ти миллионам братьев». Этот сборник издан в Японии при широкой поддержке демократических сил страны. Книга открывается стихотворением «Взгляды миллионов». Автор, Хироси Нома, — известный японский писатель, поэт и литературный критик. Стихотворение «Путь жизни» принадлежит перу Хадзимэ Сато, приговоренному к смертной казни. Автор стихотворения «Дождь» Ютака Ниномия осужден на пожизненное заключение. Редакция «Смены» публикует стихи японских поэтов в переводе Анатолия Мамонова.

Хироси НОМА

ВЗГЛЯДЫ МИЛЛИОНОВ

Сотни глаз,
Миллионы глаз
Сегодня смотрят на вас!

Борцы Мацукава! За вами
бесшумно
Следят напряженные взгляды
людей,
И, гневом расплавив тюремные
стены,
Вас согревают лаской своей...

Сколько любви в них, горячий,
как пламя,
И нежной, как майская вишня
в цвету,
Как небо над рисовыми полями,
Как пестрые пчелы в душистом
меду!

Борцы, будто звезды на небе
ясном,
Светят вам взгляды бесчисленных
глаз,
Но звезды под утро тускнеют и
гаснут,
А взгляды горят, охраняя вас.

Для вас горят,
За правду горят,
Во имя мира горят!

Хадзимэ САТО

ПУТЬ ЖИЗНИ

В начале
длинного коридора,
Различима
едва-едва,
Дверь темной,
как совесть вора,
Камеры двадцать два.
Я, как преступник,
брошен сюда
По воле
предательского суда.
Смерть моя рядом,
в камеру эту
Палач приведет ее
к рассвету

И с маленьким сыном
меня разлучит,
Отнимет
весенние звезды...
Прощайте,
журчащие в скалах ручьи
И свежий
горный воздух!
Мне так не хочется вас
Навсегда
покидать сейчас!
Но я не сдаюсь,
не молю о пощаде.
Бороться —
путь жизни моей,
А жизнь
я отдам, если надо,
За мир
и свободу людей!

Ютака НИНОМИЯ

ДОЖДЬ

Хотя и далеко
От юга Тохоку¹,
Но в засуху здесь,
В одиночках тюрьмы,
Средь стен раскаленных,
Железобетонных,
Как в душевной парной,
Задыхаемся мы.
Я слышал: на воле,
На рисовом поле,
Потрескалась кожа,
Лишь ветер утих;
И трещины странны:
Огромные раны —
Нога человека
Провалится в них.
Что станет с рисом?
Совсем ли он высох?
Сегодня впервые
Запахло дождем.
Пойдет, перестанет...
Ликуют крестьяне...
«Иены к нам с неба
Посыпались в дом!»
Дороги, бывает,
Дождем размывает,
Но ропщущих путников
Вряд ли найдешь.
Крестьянина ради
Дождю они рады,
Восторженно влагу встречая:
«Дождь! Дождь!»

¹ Тохоку — северо-восточный район главного острова Японии — Хонсю.

Я считаю для себя большой честью рассказать дорогим советским друзьям о том, как борются за мир молодые люди Японии.

Ненависть к атомному оружию у нас сильнее, чем в любой другой стране мира. Это не удивительно: ведь Япония испытала на себе взрыв атомной бомбы. Именно поэтому мы хотим мира, может быть, еще сильнее, чем другие народы.

В нашей стране движение за мир подавляется и преследуется. Однако чем яростнее оно преследуется, тем энергичнее включаются в него все честные японцы, и особенно молодежь.

В начале 1955 года Японию посетили представители Всемирной федерации демократической молодежи. Встреча с ними вылилась в событие большой важности, в котором приняли участие все слои населения.

Мы, молодежь префектуры Сайтама, обратились к делегатам Федерации с просьбой побывать в наших краях. Они обещали приехать, несмотря на большую занятость. Еще до их приезда мы, работники профсоюза, начали проводить подготовку: ежедневно устраивали сеансы диафильмов, разбрасывали листовки, проводили собрания деревенской и городской молодежи. Все это мы делали для того, чтобы на встрече с делегатами Федерации пришло как можно больше молодых японцев. Нам часто встречались отсталые люди, еще не избавившиеся от старой, феодальной идеологии. Мы беседовали с каждым из них, разъясняя значение борьбы за мир. И все-таки мы опасались, придут ли они на встречу. Но наши опасения оказались напрасными. В день, когда приехали гости, несмотря на дождь, собралось множество народу: здесь были и молодые рабочие, и студенты, и крестьяне, и домашние хозяйки — люди разных социальных групп и различных убеждений.

Эта встреча, проходившая под лозунгом «За мир и дружбу», дала нам очень многое.

— До сих пор я считала движение за мир чем-то отвлеченным, — сказала молодая работница, — но после сегодняшнего собрания я поняла, в чем смысл движения за мир.

— Когда я пожимал руки делегатам Всемирной федерации молодежи, когда мы обнимались, радостно хлопая друг друга по спине, я не мог сдержать слез волнения. Все силы отдам на дело защиты мира! — взволнованно рассказывал молодой рабочий.

В тот вечер на некоторых фабриках администрация специально организовала просмотр кинофильмов, чтобы отвлечь молодых рабочих от нашего собрания. На других предприятиях дирекция вооб-

ще запретила принимать в нем участие. Но те молодые работники, которые не смогли придти, прислали подарки делегатам и письмо, где говорилось, что они всей душой хотели бы присутствовать на встрече.

Приезд делегатов послужил началом тесного общения между молодыми женщинами нашего края. Во многих местах были созданы кружки песен и танцев. Сначала в них записалось мало участниц, но количество их быстро возрастало. Так, один кружок, в который входило раньше всего 50 человек, за один месяц вырос в организацию, объединяющую теперь 600 женщин. Сначала они наметили собраться один раз в три месяца, но затем, по общему настоянию, встречи решено было проводить каждый месяц. Эти кружки способствуют росту организованности и сознательности молодых женщин.

Нельзя забывать, что в настоящее время в Японии существует около 700 военных баз американской армии. Пребывание американских войск губительно сказывается на воспитании подростков. Матери, воспитательницы, учителя развернули в связи с этим кампанию протеста против американских военных баз. К ним присоединяются те, у кого американцы отобрали земли для своих баз и кто лишился всяких средств к существованию. Так, например, крестьяне префектуры Гумма в течение шести месяцев вели борьбу против американской военной базы у подножия горы Мегидзан. Крестьяне расположились на склонах горы, заявив, что не сойдут с места. Издалека приходили к ним делегации молодежи, принося им пищу и подбадривая дружеским участием. Борьба в конце концов закончилась победой крестьян. Эта победа вдохнула мужество в сердца жителей других префектур, ведущих такую же борьбу.

Нередко бывает, что молодые крестьяне, не имеющие возможности прокормиться на своей земле, в поисках средств к существованию соглашаются служить в так называемом «Корпусе безопасности». Мы беседуем с такими юношами, объясняем причины их тяжелого положения и стараемся отговорить их от службы в этой организации. Мы стремимся также теснее крепить связь между рабочей и крестьянской молодежью.

Молодые рабочие и крестьяне Японии клянутся, что отдадут все силы для победы дела мира. Мы верим, что день этой победы уже близок.

Тосио КОМАДЗАКИ

Япония. Префектура Сайтама. Отделение Всеяпонского профессионального союза металлистов.

Опасный маршрут

Василий АРДАМАТСКИЙ

Повесть

(Окончание. См. №№ 11, 12, 13, 14, 15, 16)

В первые годы Великой Отечественной войны Григорий Окаемов, изменив Родине, перешел на сторону врага. После разгрома гитлеровской Германии его прибрала к рукам иностранная разведка. Окаемова забросили на территорию СССР. Он пробрался в город В., где расположен научно-исследовательский институт профессора Вольского.

Работники госбезопасности напали на след диверсанта. Однако Окаемому удалось скрыться. Под вымышленной фамилией шпион устроился на работу в оперный театр шофером грузовой машины.

Окаемов познакомился с неким Аксенчуком, уволенным из института Вольского за халатное отношение к порученной работе. Диверсант намеревается использовать Аксенчука в своих преступных целях.

Утром Аксенчук проснулся дома, снова не помня, как он оказался в своей постели. Приподняв тяжелую, точно налитую свинцом голову, он увидел Окаемова, который сидел за столом и что-то писал.

— С добрым утром, коллега,— сухо, почти сердито произнес Окаемов, и Аксенчук почувствовал себя виноватым.

— Не умею я пить, как вы,— сказал он.

— Наука не хитрая, а главное, не обязательная.— Окаемов встал из-за стола и потянулся.— Вставайте, нам нужно поговорить...

Аксенчук одевался, поглядывая на своего друга. Сегодня тот был совсем не таким, как в первую их встречу и как вчера. Его сухая деловитость чем-то тревожила.

— Я все время думал о вас, Николай Евгеньевич,— начал Окаемов.— Дружбу я представляю как нечто действенное, помогающее жить людям. Застольная дружба — дым, не больше. Так вот... Вы, надеюсь, понимаете, что означает для вас увольнение из института, да еще со скверной характеристикой?..

Аксенчук опустил голову.

— Я хочу устроить вас на работу в наш институт. Конечно, наш институт не столь значителен, но мне кажется, сейчас вам не стоит быть особенно разборчивым. Директор института — мой приятель. Дайте мне ваши документы, и я сейчас же поеду к нему.

— Но сегодня воскресенье,— напомнил Аксенчук.

— Именно. С таким делом к директору надо являться на дачу, а не в кабинет, где с ним и минуты спокойно не дадут поговорить.

— Вы думаете, может что-нибудь получиться?

— Не знаю. Но я постараюсь.

Передавая Окаемому документы, Аксенчук сказал:

— Вы можете сказать, что Вольский, если ему позвонят, обещал меня поддержать.

— О! Это очень важно,— задумчиво произнес Окаемов.— Словом, план наших действий таков: сейчас я еду к директору, а в десять часов вечера вы ждите меня там, где мы познакомились,— в «Ягоре».

2

Случай с новым шофером Гудковым Коля Борков решил отразить в стенгазете. В понедельник он зашел к заведующему отделом кадров театра, надеясь получить у него фотографию шофера, чтобы нарисовать с нее карикатуру. Тот куда-то спешил, к тому же он сам еще не смотрел как следует личное дело нового шофера.

— Фото Гудкова, говоришь? — торопливо переспросил заведующий, складывая бумаги в папку.— И что он тебе дался?

— Странный тип, честное слово!

— Чем?

— Рассуждает так, точно с луны свалился. Заведующий отделом кадров рассмеялся:

— Вот и займись воспитанием странного шофера.— Он обнял Колю за плечи и повел из кабинета.— Зайди в другой раз. Мне сейчас некогда.

...В это время Окаемов вел грузовик по тому самому шоссе, по которому он на автобусе вернулся в город с глухого полустанка.

Настроение у Окаемова было прекрасное: найден наконец путь к выполнению задания. Теперь нельзя терять ни минуты. «Ну, мистер Барч, вы, наверно, уже думали, что я провалился? Ведь столько времени ваши радиоконтролеры не слышали моего позывного. А сегодня они его услышат, мистер Барч!» — Думая так, Окаемов все увеличивал скорость. Грузовик немилосердно кидало на выбоинах разбитого шоссе. И вдруг Окаемов увидел опасность: у поворота, подняв руку, стоял милиционер.

Остановив машину, Окаемов выглянул из кабины.

— Что случилось, товарищ начальник?

— Предъявите путевку.

— Пожалуйста, товарищ начальник.— Окаемов, улыбаясь, протянул путевой лист.

— Опера, значит? — возвращая путевку, спросил милиционер.— Эка, куда тебя твоя опера гоняет...

— За песнями еду, товарищ начальник! — Окаемов подмигнул милиционеру и включил скорость.

Грузовик снова затарахтел по шоссе. «Нет, нет, это самая обычная проверка», — успокаивал себя Окаемов.

Он проехал мимо знакомой остановки автобуса и вскоре остановил грузовик на обочине дороги. Нашел удобное место для съезда с шоссе.

Грузовик осторожно перебрался через размытую канаву и исчез в кустах. Поставив машину так, чтобы ее не заметили с шоссе, Окаемов быстро отыскал спрятанную радию. Вернувшись к машине, он протянул по потолку кабины антенну и через минуту застучал радиотелеграфным ключом.

«Говорит «три икс». Начинаю операцию. Срок операции три — четыре дня. Высылайте транспорт в условное место. Следите за эфиром круглые сутки».

Окаемов вывел машину на шоссе и, проехав еще километров десять, опять остановился. Снова заработал ключом. Затем грузовик вернулся в город, пересек его с севера на юг и выехал на другое шоссе. Километрах в двадцати от города Окаемов свернул с дороги в сторону, и в третий раз в эфир полетели позывные «три икс».

Вернувшись в город, Окаемов поставил грузовик в гараж. Перед тем, как ехать в общежитие, он забежал к Аксенчуку и оставил у него сверток с радицей.

— Все канаты обрублены,— сказал он Аксенчуку.— Квартиру и вещи оставил жене, пусть она подавится барахлом. В этом сверточке все мое имущество. Будем начинать жизнь заново.

Аксенчук стал уговаривать Окаемова пока

поселиться у него. Окаемов не возражал, но сказал, что сегодня он переночует у директора института и, кстати, закончит с ним переговоры об устройстве Аксенчука.

В общежитии, только Окаемов лег в постель, к нему подошел Коля Борков.

— Товарищ Гудков, заведующий отделом кадров просил вас завтра зайти к нему,— сказал он, упершись в Окаемова пристальным взглядом.

Это приглашение имело свою историю. Кудрявцев, который во время наблюдения за институтом не записал номер остановившегося против подъезда грузовика, упорно думал о том, как исправить допущенную оплошность. И вдруг вспомнил: в кузове машины стоял трон, и шофер сказал, что принадлежит он оперному царю. Кудрявцев пошел в гараж оперного театра. Действительно, в тот день машина театра перевозила декорации «Бориса Годунова» после выездного спектакля в Доме культуры. Фамилия шофера — Гудков.

Заведующий отделом кадров, узнав о цели прихода Кудрявцева, решил наконец поинтересоваться анкетой нового шофера. Что это за человек? То он не дает покоя Коле Боркову, а теперь вот из госбезопасности спрашивают. Анкета шофера была в полнейшем порядке. Заведующий уже хотел было спрятать личное дело, как вдруг, пробега взглядом автобиографию, заметил давно упраздненное обозначение: Крымская АССР. Да, шофер Гудков своей рукой написал, что с сорок девятого по пятьдесят первый год работал шофером в Союзтранс Крымской АССР. Крым в то время автономной республикой уже не был. Поэтому заведующий отделом кадров, увидев Колю Боркова, и попросил его передать Гудкову, чтобы тот зашел утром к нему...

3

Окаемов пропал. Уже несколько дней не было и намека на появление его в зоне института Вольского. Все это время майор Потапов снова и снова продумывал расстановку сил своей группы. Сердце Потапова холодело при мысли, что вот сейчас, пока он думает, враг вершит свои черные дела.

Стук в дверь прервал размышления Потапова. В кабинет вошел Кудрявцев.

— Разрешите доложить, товарищ майор. Я узнал номер грузовика, который останавливался около института. Это была машина оперного театра. Номер МЭ 64-07. Фамилия водителя — Гудков. Он вез царский трон из оперы «Борис Годунов».

— Ну и что? — Потапов раздраженно смотрел на Кудрявцева.

— Ничего, товарищ майор. Докладываю...

Царский трон, опера «Борис Годунов»... Это было похоже на бред. Потапов хотел уже сказать что-то резкое, но в это время зазвонил телефон. Потапова вызывал к себе полковник Астангов.

Как только Потапов открыл дверь в кабинет полковника, сразу почувствовал: случилось что-то очень важное. Астангов сидел за столом, держа перед собой лист бумаги. Он будто не заметил вошедшего Потапова. А увидев майора стоящим у стола, передал ему лист бумаги: — Смотрите.

На листе тремя аккуратненькими столбиками были записаны пятизначные цифры.

— Шифровка?

— Да, Потапов. Наш подшефный появился в эфире. Его рация в течение дня работала три раза с перерывами.

— Запеленговали?

— Да. Каждый раз он вел передачи с нового места. Причем перерыв по времени между второй и третьей передачами не так уж велик, а объявился он бог весть где. Вот что, позвоните-ка в Оруд, они должны вести учет выезжающих из города машин.

— Постояйте! — почти крикнул Потапов. Он вспомнил о том, что ему сейчас сказал Кудрявцев. — Товарищ полковник, я докладывал вам о грузовике, который останавливался против института. Так вот, Кудрявцев выяснил: это была машина оперного театра.

— Ну что ж, проверьте и этот вариант. А пока звоните в Оруд. Звоните отсюда...

Дежурный Оруда монотонно диктовал Потапову номера машин, прошедших через загородный контроль.

— Быстрей, — торопил его Потапов.

И вот Потапов слышит: «МЭ 64-07, машина оперного театра. Северное и Южное шоссе...»

— Пока хватит. Спасибо. — Потапов бросил трубку и растерянно посмотрел на полковника. — Машина оперного театра была на Северном и Южном шоссе.

— Так... — Полковник медленно прошелся по комнате. — Интересно. Ну-ка позвоните в отдел кадров театра, узнайте, кто водитель машины и когда он взят на работу...

Потапов еще не успел объяснить заведующему отделом кадров, что ему нужно, как тот сам спросил:

— Вас, наверно, интересует наш шофер Гудков?

— Меня интересует водитель вашего грузовика, ездившего в понедельник по Северному и Южному шоссе.

— У нас в театре только одна грузовая машина.

— Какой номер?

— МЭ 64-07.

— Фамилия водителя?

— Гудков. Сергей Михайлович Гудков.

— Когда взят на работу?

— Недавно. Но вот какое дело: сегодня он не вышел на работу. Я его на утро вызвал к себе, а он не пришел ни ко мне, ни в гараж.

— Зачем вы его вызывали?

— В автобиографии ошибку обнаружил. Хотел выяснить.

— Немедленно найдите к нам с личным делом Гудкова. Немедленно! — Потапов бросил трубку. — Шляпа!

— Спокойней, Потапов. Что там?

— Он, кажется, опять ушел...

— Подождите, Потапов, — спокойно сказал полковник. — Сейчас мы с вами посмотрим интересные фотографии. Помните, вы говорили мне о сотруднике, уволенном из института Вольского?

— Конечно, помню, — Аксенчук. Вы сказали, что пока на это не стоит отвлекаться.

— Не хотел толкнуть вас на ложный след. Но Аксенчука я все же из виду не упускал. Так вот, в субботу Аксенчук кутил в «Гранд-отеле» с неизвестным гражданином. Платил собутыльник уволенного. После кутежа этот тип от наблюдения улизнул...

В кабинет вошел сотрудник, несший развер-

нутую газету, на которой были разложены еще мокрые фотографии.

Потапов взглянул на первую фотографию, и у него перехватило дыхание:

— Он!.. Это он.

Да, за ресторанным столиком сидел Окаемов. Только теперь он был с аккуратненькой бородкой и иначе одет.

— Ну, Потапов, как мы теперь поступим? — спросил полковник.

— Надо его брать вместе с Аксенчуком, и как можно скорее! — сразу ответил Потапов.

Полковник долго молчал, а потом медленно произнес:

— Нет. В этой операции Аксенчук должен стать нашим союзником.

— Аксенчук? — удивился и возмутился Потапов. — Как же?..

— Он сейчас дома один. — Полковник снял телефонную трубку и набрал номер. — Товарищ Аксенчук? Здравствуй-те. С вами говорю из управления госбезопасности. Да. Полковник Астангов. Не смогли бы вы сейчас же приехать к нам? Нам нужно посоветоваться с вами по поводу одного дела. Хорошо. Возьмите такси. Входите прямо в главный подъезд, пропуск не нужен, я предупрежу. Спасибо. Ждем вас. Третий этаж. Комната тридцать вторая. Ждем...

— Теперь скроется и он, — сказал Потапов.

— Наблюдение за квартирой Аксенчука уже установлено. Наши люди пойдут за ним, — улыбнулся полковник.

— Всякие могут быть случайности, — насмешливо напомнил Потапов.

— Он сейчас приедет, Потапов. Я смотрел его личное дело и все продумал, — он приедет.

4

Еще не положив телефонную трубку, Аксенчук почему-то сразу подумал, что звонок из госбезопасности связан с его новым другом. Выходя из дома, он больше всего боялся встретиться с ним.

В такси Аксенчук немного успокоился: в конце концов, он ничего плохого не позволял себе, только выпивал в ресторане. А разве это преступление? Спокойствие окончательно вернулось к Аксенчуку, когда он увидел шагнувшего ему навстречу полковника Астангова.

— Здравствуйте, Николай Евгеньевич. Извините, пожалуйста, за беспокойство. Знакомьтесь, это наш сотрудник товарищ Потапов Присаживайтесь. Никого не встретили?

— Нет. — Аксенчук выжидательно смотрел на полковника.

— Мы пригласили вас, Николай Евгеньевич, по очень важному, прямо скажу, государственному делу. Рассчитываем на вашу помощь.

— Если смогу, я, конечно... — пробормотал смущенный Аксенчук.

— Вы знаете, Николай Евгеньевич, вот этого человека? — полковник передал Аксенчуку фотографию Окаемова.

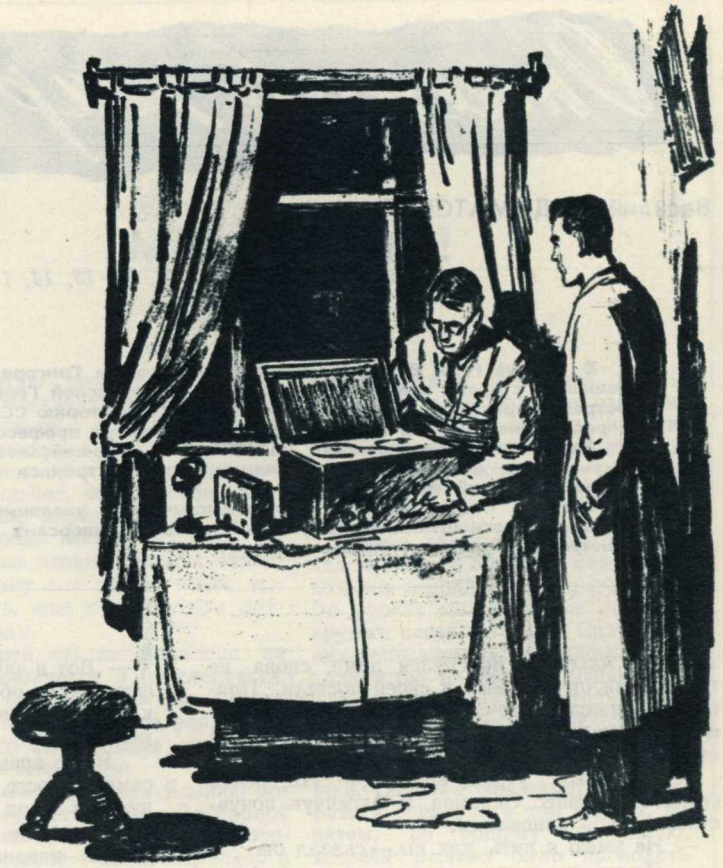
— Да, знаю.

— Расскажите все, что вы знаете о нем. Все. Для нас это исключительно важно.

— Собственно, я знаю о нем очень мало... — Аксенчук замаялся. Он действительно почти ничего не знал о своем новом друге. — От него жена недавно ушла... Работает он в каком-то научно-исследовательском институте. Зовут его Виталий Алексеевич...

— А как вы с ним познакомились? — спросил полковник.

— Меня уволили с работы. Настроение было скверное. Я пошел в ресторан «Якорь». Порядком там выпил. И он тоже туда пришел. У него свое горе: жена ушла; у меня — свое. Мы разговорились, стали пить вместе. Вот так и познакомились.

— После этого вы с ним еще много пьянствовали? — жестко спросил Потапов. — И кто платил?

— Да, мы были с ним в ресторанах. Платил он. У него денег много. Он мне и займы дал.

— Почему же это он решил взять вас на свое иждивение? — усмехнулся Потапов.

— Почему иждивение? Разве не могут люди подружиться и в трудную минуту помочь друг другу?

— А вы, кстати, знаете фамилию своего приятеля?

— Нет... — Аксенчук покраснел. — Сам он фамилии не называл, а спрашивать было неудобно... Он ввязал устроить меня на работу в свой институт.

— Что за институт?

— В моем положении надо устраиваться куда берут, а не спрашивать... Он сказал, что директор этого института — его приятель. Я уже и документы отдал.

— Как отдал документы? — Потапов даже привстал. — Какие документы?

— Диплом. Трудовую книжку. Заявление. Копию приказа из института.

— С подписью Вольского?

— Да.

Потапов швырнул карандаш на стол и выразительно посмотрел на полковника. Астангов видел, что Потапов злится все больше, и поэтому решил вмешаться в разговор.

— Когда он должен придти к вам?

— Сказал, что сегодня будет у меня ночевать. А когда придет, — не знаю. Он оставил квартиру жене, и я предложил ему пока жить у меня.

— Так вот, товарищ Аксенчук... — помолчав, начал полковник Астангов. — Вы должны знать все. Мы вам доверяем. Человек, о котором вы рассказали, — опаснейший враг нашей Родины... Да. Враг опасный и хитрый. И он хочет использовать вас в своем преступном замысле. Как это он попытается сделать, пока не известно. Но вы можете крепко помочь нам.

— Конечно. Но неужели?.. — Аксенчук смотрел на полковника округлившимися от страха глазами. — Неужели?..

— Да, Николай Евгеньевич, это так.

Через час Аксенчук ушел домой. Когда за ним закрылась дверь, Потапов сказал:

— А вдруг он... — и не договорил.

— Нет. Все будет в порядке. — Полковник сердито посмотрел на Потапова. — Мы обязаны, товарищ майор, доверять своим, советским лю-

дам. Почему Аксенчук должен стать предателем? Да, он совершил немало ошибок. Он плохо работал у Вольского. За что и наказан. Но подозревать его в предательстве мы не имеем права.

— На мой взгляд, это разложившийся тип, для которого нет ничего дороже ресторанной пирушки...

— Это, Потапов, вопрос воспитания. Виноваты здесь во многом люди, с которыми он соприкасался. Среди них, наверное, было немало таких, которые любят болтать о коммунистическом воспитании, но не любят или не умеют им по-настоящему заниматься. А вы задумайтесь на минутку, какой урок на всю жизнь Аксенчук получает сейчас!

— В схватке с Окаемовым он может не выдержать и сорваться...

— Пока, Потапов, нервы шалят у вас, — сухо заключил полковник.

Вечером, в половине одиннадцатого, Окаемов был у дома, где жил Аксенчук. Он прошел сначала мимо подъезда, потом резко повернул назад, — проверил, нет ли за ним наблюдения. Улица была пустыня. Окаемов зашел в подъезд и притаился. Через минуту он выглянул из дверей. Убедившись еще раз, что на улице все спокойно, он поднялся по лестнице на самый верхний этаж, а потом стал спускаться на второй, к квартире Аксенчука. Несколько минут он стоял перед дверью, прислушиваясь, прежде чем нажать кнопку звонка.

От звонка одновременно вздрогнули и Аксенчук, уже несколько часов ожидавший прихода Окаемова, и Потапов, находившийся в соседней квартире, где звонок раздался в стоявшем на столе радиодинамике.

— Включайте, — тихо сказал Потапов технику, склонившемуся над чемоданом с магнитофоном.

В динамике отдаленно послышался разговор двух мужчин, затем их голоса приблизились. Диски магнитофона начали медленно вращаться.

...Аксенчук провел Окаемова в столовую:

— Считайте, Виталий Алексеевич, эту комнату своей. Вот тут я вам и постель уже приготовил.

— Спасибо, дорогой. Только я думаю, мы еще успеем выспаться. Что может быть лучше дружеской мужской беседы! — Окаемов сходил в переднюю и вернулся с бутылкой коньяку. — А вы, мой дорогой, что-то

в скверном настроении?

— Беспокоюсь о работе. Как там? — Аксенчук смотрел на него с надеждой.

— Все в полном порядке! — раскупоривая бутылку, ответил Окаемов. — И первую рюмку мы опрокинем за ваше назначение. Пошла?

— Пошла, — произнес Аксенчук.

Окаемов снова наполнил рюмки. Потом встал, прошелся по комнате и остановился за спиной Аксенчука.

— Дело в том, мой друг, — после небольшой паузы начал он, — что с вашими документами вы никуда не устроитесь. Нику-да!..

Аксенчук через плечо испуганно и удивленно смотрел на Окаемова, присевшего рядом.

— Дальше. По вас плачут суд и тюрьма... Ради бога, перестаньте дрожать и тарачить глазами!.. Что вас удивляет? Разве не вы отдали постороннему человеку диплом, трудовую книжку и копию приказа на бланке секретнейшего института? Разве не своей собственной рукой вы написали заявление с

просьбой взять вас на работу? На какую работу, позвольте вас спросить? Почему в заявлении это не указано? Наконец, тому же постороннему человеку вы рассказали кое-что и о делах института, где работали...

— Я ничего не рассказывал... Я вообще не понимаю, что вы говорите...

— Не понимаете! А то, что вы должны мне почти десять тысяч рублей, — это вы понимаете?

— Виталий Алексеевич, перестаньте шутить! Вы же сами предложили... в долг. Я могу эти деньги вернуть...

— Хорошо, мой друг. Шутки в сторону. Слушайте меня внимательно. С вами сейчас разговаривает посланец одной могущественной державы. Если хотите, — разведчик, шпион...

Изобразив на лице ужас, Аксенчук отшатнулся от Окаемова, пытаясь встать. Резким движением Окаемов прижал его к стулу.

— Спокойно, мой друг. Будьте мужественны. Я не подлец и не разбойник с большой дороги. Я тайно представляю здесь державу, не только могущественную, но и благородную. Вот почему вы не попадете под суд. Вы вместе со мной уедете далеко-далеко от всех этих неприятностей. Вы уедете туда, где ваша услуга будет оценена по достоинству. Вы будете жить там прекрасно. Ну, что вы на это скажете, мой друг?

— Я не могу верить!.. — Аксенчук дрожал, как от озноба. — Я все думаю, что вы шутите...

— Шутки давно оставлены! — с мрачной усмешкой сказал Окаемов. — Знаете, когда мы будем с вами шутить? Когда уберемся из этой страны. Решайте. Или вы со мной, или... — Окаемов не договорил, уставившись в глаза Аксенчуку ледяным, злобным взглядом. — Ну! Решайте!

Аксенчук долго не отвечал, погруженный в тяжкое раздумье.

— Я с вами, — сказал он наконец.

— Молодец! Я не ошибся в вас. — Окаемов порывисто обнял Аксенчука за плечи. — Вы не представляете, что я пережил, пока вы думали! Ну, теперь мы друзья на всю жизнь! — Он дрожащей рукой поднял рюмку. — За наш успех!

Они выпили. Аксенчук спросил:

— Когда мы уедем? И как? Это же очень трудно! Граница...

— Мы уедем завтра ночью. На морском побережье нас возьмут на борт подводной лодки. — И вы... не бросьте меня?

Окаемов встал:

— Послушайте, мой друг. Не верьте тому, что о нас плетут здешние пропагандисты. Через несколько дней вы сами убедитесь в том, какая это ложь. О вас уже сообщено, и мне просто приказали взять вас с собой. Мы люди слова и дела. Но прежде чем покинуть эту страну, мы с вами очень громко хлопнем дверью. Хлопнем, мой друг?

— Можно, конечно. Но как?

— А так, например, чтобы от всего вашего института вместе с Вольским осталась лишь каменная пыль. Неплохо?

— Неплохо... — Это слово у Аксенчука прозвучало весьма неестественно.

Окаемов пристально посмотрел на своего сообщника и сказал:

— В вашей книжке записаны три телефона Вольского. Среди них есть квартирный?

— Да.

— Вы сейчас должны позвонить по этому телефону.

— Уже поздно. Он не станет разговаривать...

— Прекратите споры! Надо действовать, а не болтать! Вы сейчас же позвоните ему, извинитесь за поздний звонок и скажете, что речь идет о вашей жизни и смерти. Он же обещал вам поддержку? Просите его, чтобы он принял вас завтра на пять минут. Мол, в связи с вашим устройством на новую работу возникли такие обстоятельства, которые вы можете объяснить ему только лично. Просите! Умоляйте! Если нужно, пустите слезу... Быстро! — Окаемов показал на телефон.

Аксенчук покорно подошел к телефону и снял трубку. Окаемов стал за его спиной.

Разговор с Вольским Аксенчук провел очень искусно. Профессор остановил его причитания и сказал:

— Хорошо, товарищ Аксенчук. Можете придти ко мне завтра, в два часа сорок минут.

Аксенчук положил трубку и оглянулся на Окаемова:

— Завтра в два сорок...

— Хорошо! — Окаемов утирал со лба пот. — Вы просто клад. Теперь, где мои вещи?

— Там, где вы положили их.

— Погасите свет! — распахивая сверток, тихо сказал Окаемов. Он включил радио. В полумраке комнаты затеплились багровые светильники радиоламп. — Сядьте, мой друг, и молчите. Я сейчас доложу обо всем начальству и уточню, когда приходит за нами подводная лодка.

Взглянув на часы — был уже второй час ночи, — Окаемов быстро застучал ключом:

«Говорит «три икс»... «три икс»... Операцию закончу сегодня днем. Чертежи уже у меня. Подтвердите время прихода транспорта. Перехожу на прием...»

Окаемов переключил радио и надел наушники. Аксенчук видел его лицо, освещенное зыбким светом радиоламп. Вот губы тронула чуть заметная усмешка. «Я же отлично понимаю, господа начальники, — думал Окаемов, — что моя диверсия для вас дороже сотни таких, как я. Когда я все сделаю, вы охотно мною пожертвуете. Но чертежи вам очень нужны. Очень. Правда, я потом вас несколько разочарую, сообщив уже лично, что чертежи погибли, скажем, вместе с Аксенчуком, допустившим непростительную оплошность. Но дело будет сделано, я буду стоять перед вами, и вам ничего не останется, как сказать мне спасибо...» Окаемов вздрогнул и прижал рукой наушники, — ему отвечали:

«Желаю успеха. Транспорт с двух часов ночи завтра в условленном месте. Барч».

Сорвав с головы наушники, Окаемов вскочил:

— Свет, и налить рюмки! Дорогой Аксенчук! Нам желают успеха. Выпьем, мой друг, и спать! Спать! Завтра у нас нелегкий денек!

— А все же, что мне надо завтра сделать? — тревожно спросил Аксенчук.

— Не волнуйтесь, мой дорогой. Сущую чепуху! Вам не придется ни стрелять, ни бросать бомбу, ни подливать яд. Сейчас мы ложимся спать. На рассвете я уйду. Вы знаете кафе на бульваре, наискосок от института?

— Знаю.

— Ровно в час тридцать вам надо придти туда. Я буду вас ждать.

— И все?

— Почти.— Окаемов захохотал.— В наш век, дорогой мой, это делается очень просто. Вам придется лишь навесить профессора Вольского и забыть у него один пустячок.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

— Ну, Потапов, какого вы теперь мнения об Аксенчуке? — спросил полковник Астангов, прослушав магнитофонную запись.— Вы думаете, ему легко было провести такую беседу?

— Не думаю... Разрешите доложить, что было потом,— уклоняясь от разговора об Аксенчуке, сказал Потапов.

— Докладывайте.

— Из квартиры Аксенчука Окаемов вышел без четверти пять утра. Пешком, не спеша пошел на вокзал и сел в первую электричку. Вылез на дачной станции «Академический поселок». Мы уже подумали, не изменил ли он свое решение и не собрался ли атаковать дачу Вольского. Но нет, он пошел в лес и провел там почти два часа. Работал над миной. Вот снимок, сделанный при помощи телеобъектива. Потом...

— Подождите,— перебил Потапова полковник и обратился к человеку с круглым, добрым лицом, сидевшему у окна.— Инженер Короленко, посмотрите этот снимок. Что за мина у него? Продолжайте, Потапов.

— Затем Окаемов вернулся на станцию. Около часа пробыл в буфете. Солидно позавтракав, вернулся в город и пошел на утренний сеанс в кино. Сейчас он второй раз смотрит одну и ту же кинокартину.

— Хорошо. Когда последний раз говорили с флотским командованием?

— Полчаса назад. Подводная лодка продолжает курсировать в нейтральных водах. Изредка ложится на грунт.

— Пусть отдыхает, ей тоже предстоит крупная неприятность,— заметил полковник Астангов и повернулся к инженеру Короленко.— Ну, как? Знакома вам штука?

— Вроде нет, товарищ полковник.— Лицо инженера залилось краской, как у школьника, уличенного в незнании урока.— В руках бы ее поддержать...

— Придет время — поддержите,— сказал полковник и замолчал, обдумывая что-то.

Короленко посидел еще несколько минут и, видя, что Астангов занят своими мыслями, потихоньку вышел.

У Астангова теперь сидел один Потапов. Майор нетерпеливо поглядывал на часы. До встречи Окаемова с Аксенчуком оставалось лишь два с половиной часа, а распоряжения о том, где и когда брать диверсанта, все еще не было. Полковник явно не торопился. И Потапов решил первым нарушить молчание:

— Товарищ полковник, когда...

— Окаемова мы будем брать в самую последнюю минуту... Приказ генерала: как можно больше накопить улик. В этом деле каждая лишняя улика имеет большое значение.— Полковник внимательно посмотрел на Потапова.— В час тридцать Окаемов, конечно, передаст Аксенчуку мину. Ясно также, что часовой механизм он установит так, чтобы мина взорвалась, когда Аксенчук будет еще в институте. Аксенчук нужен теперь Окаемому, как прошлогодний снег.

— Что если мы возьмем Окаемова в кафе? — спросил Потапов.

— Взрыватель Окаемов установил с утра. В кафе он с миной возиться не станет. Наше требование разрядить ее он также может не выполнить.

— Но это сделает Короленко.

— У инженера будет слишком мало времени, а мина может оказаться с новым секретом.

— Но у инженера будет еще меньше времени, если Аксенчук принесет мину в институт? — В том-то и дело, Потапов. Мы должны обязательно получить дополнительное время на обезвреживание мины...

— У меня есть предложение,— быстро начал Потапов.— Аксенчук приходит в кафе в час тридцать. В кармане Окаемова лежит мина с заводным часовым механизмом. Скажем, взрыв должен произойти в два сорок, то есть во время приема Аксенчука Вольским. Более ранний срок исключается.

Полковник согласно кивал головой.

— Так вот... Аксенчук приходит в кафе и сообщает Окаемому неприятную новость: Вольский перенес время приема на без четверти два. Перезарядить мину Окаемов уже не может, и мы выигрываем верных сорок минут. Даже если инженер Короленко, получив от Аксенчука мину, увидит, что загадка ему не по силам, то у него вполне хватит времени отвезти мину в безопасное место.

Астангов некоторое время сидел молча, потом встал из-за стола и подошел к Потапову.

— Одобряю ваш план. Звоните Аксенчуку.

2

Окаемов был спокоен. Им владела непоколебимая уверенность в успехе. Он хорошо знал это не раз пережитое им состояние душевного равновесия, которое наступало в решающие часы операции. Все действия, поступки были заранее рассчитаны, проверены и теперь совершались как бы помимо его воли.

Окаемов сидел в летнем кафе на бульваре и с любопытством следил за тем, что делалось вокруг. Вот две школьницы, поставив свои портфельчики к ножкам стола, сосредоточенно поглощают мороженое. По песчаной дорожке, на которой шевелятся пробившиеся сквозь листья солнечные блики, важно разгуливают голуби. На скамейке перед кафе, уронив газету, дремлет старичок, его соломенная шляпа смешно сбился набок...

Легко представить себе, что тут будет твориться, когда взрыв вскинет в воздух каменную громаду института: как шарахнутся голуби, как скатится со скамейки задремавший старичок... Окаемов беззвучно засмеялся и в это время увидел спешащего к кафе Аксенчука.

Аксенчук, не здороваясь, пошел к Окаемому.

— Беда,— сказал он тихо.— Вольский перенес прием.

Окаемов побледнел, лицо его перекошилось от бешенства.

— Что-что?!

— Перенес — и все. Секретарь его позвонил. Нужно идти сейчас. Он ждет меня без четверти два.

Окаемов быстро прикинул время и сразу успокоился.

— Ну, что ж, без четверти два...— Окаемов замолчал, обдумывая, как, не вызвав подозрений у Аксенчука, сказать ему, чтобы он задержался в институте подольше.— Слушайте, дорогой друг. Говорите с Вольским неторопливо, иначе он может почувствовать подвох. Сперва расскажите ему, какие мытарства вы пережили, пока нашли работу. Не жалейте красок. Затем... Затем попросите у него совета... В общем, у меня все так рассчитано, что вы должны выйти из института не раньше, как в два часа сорок пять минут. Ясно?

— Ясно.

— Знаете стоянку такси возле булочной?

— Знаю.

— Я буду там ждать вас в машине. Не волнуетесь?

— Нисколько. Сам удивляюсь.

— Вы настоящий мужчина. Теперь так...— Окаемов вынул из кармана плоский предмет, похожий на коробку от акварельных красок.— Это должно остаться там. Бросьте в урну для мусора. Или забудьте в гардеробе...

— Понимаю.

— Ну, желаю успеха, мой друг!

Аксенчук быстро пошел через бульвар по направлению к институту, перешел улицу и исчез в подъезде.

В вестибюле Аксенчука встретил инженер Короленко.

— Скорее, давайте! — сказал он и, взяв мину, здесь же вскрыл ее и через лупу начал рассматривать механизм взрывателя.

— Так... так...— шептал он.— Контакт химический... Не новинка... Где же входной канал?.. Вон он, любезный...

...Окаемов в это время позвал официантку, расплатился и медленно пошел к стоянке такси. За ним из ворот соседнего дома наблюдал Потапов.

Окаемов сел в такси рядом с шофером.

— Далеко ли? — спросил шофер.— У меня бензина маловато.

Окаемов выругался, вылез из машины и пошел к следующей.

— А у вас бензин есть? По Западному шоссе!

— Полный бак! — весело ответил шофер.— Куда угодно отвезу. Садитесь!

Вырулив со стоянки, машина помчалась в сторону Западного шоссе. И тотчас же из глубины двора к воротам, где стоял Потапов, выехала «Победа». Майор вскочил в нее.

— Быстро! За тем такси!

Из других ворот выехали еще две машины, они пристроились вслед за потаповской.

Такси вырвалось на простор шоссе, и только тогда Окаемов обнаружил погоню. Он поверил в это не сразу.

— Прибавь скорости,— спокойно сказал он шоферу.

— Это можно, шоссе отличное...

Окаемов через заднее окно видел, что три «Победы» отстали, скрылись за поворотом шоссе. Прошла минута, другая, и вот из-за поворота вылетели все три «Победы». Они неумолимо приближались.

— Скорость! — крикнул Окаемов.

— Даю на всю железку,— хмуро отозвался шофер, уже сообразивший, что происходит что-то неладное.

Впереди виднелся лес. «Домчаться до леса и скрыться в нем!» — сообразил Окаемов. Это была единственная возможность спастись.

— Прибавляй скорость! — бешено прохрипел Окаемов, выхватив из кармана пистолет.— Скорость! Или я сам поведу!

Шофер прибавил скорость, стрелка спидометра переползла цифру «100». Сжав руль победившими от напряжения руками, он пристально смотрел вперед.

Стремительно приближался поворот, за которым шоссе входило в лес. Поворот ближе, ближе, и вдруг у машины точно отказал руль: она не сделала поворота, каким-то диким прыжком перелетела через глубокий кювет, в воздухе перевернулась вверх колесами и, ударившись о дерево, легла на бок...

Когда Потапов, Кудрявцев и остальные сотрудники подбежали к такси, его колеса еще вертелись. Потапов заглянул в разбитое боковое стекло — Окаемов лежал, навалившись на шофера, оба были без сознания.

— Быстро достаньте людей из машины! — приказал Потапов.

Но это было не так-то просто сделать, перекошенные от удара дверцы не открывались. Потапов не сводил глаз с Окаемова. Тот лежал неподвижно. Наконец дверцу открыли. Окаемова и шофера положили на траву.

Вскоре к месту аварии подлетела санитарная машина. Врач осмотрел пострадавших.

— Шприц... Ампулу... Бинты...— тихо приказывал врач, и один из санитаров, как фокусник, мгновенно доставал из сумки то, что требовалось.

Первым пришел в сознание шофер. Санитар помог ему сесть. Прислонившись к дереву, шофер мрачно смотрел по сторонам.

Окаемов шевельнул рукой, открыл глаза. Его взгляд встретился со взглядом Потапова. Окаемов снова опустил веки. Он был уже в полном сознании, но симулировал продолжение обморока, думая выиграть время.

— Он в сознании,— шепнул Потапову врач.

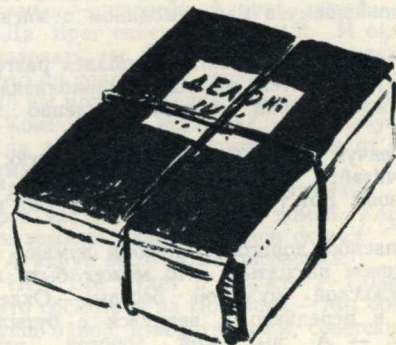
— Я вижу,— громко сказал Потапов.— Ну, Окаемов, хватит! Все равно ничего уже не придумаете!

Окаемов сделал резкое движение рукой к воротнику рубашки, где была зашита ампула с ядом. Потапов перехватил его руку:

— Бросьте валять дурака! Игра окончена!..

Окаемов приподнялся. Санитар хотел ему помочь, но он оттолкнул его и медленно встал.

Рис. Н. Гришина.

КОГДА НЕТ СНЕГА...

Читатель «Смены» А. Шитяков (Свердловск) спрашивает: как тренируются лыжники в летний период? Помещаем фотоочерк «Когда нет снега...», в котором рассказывается о летних тренировках мастеров спорта СССР Павла Колчина, Михаила Мизюкаева и Станислава Тихомолова.

Ранним августовским утром вдоль подмосковного шоссе пробежала группа загорелых молодых людей. По темносиним тренировочным костюмам, по легкому, ровному шагу и крепким, спортивным фигурам легко было узнать в них спортсменов. Добежав до поворота, они свернули в кустарник и направились в сторону полянки, которая живописно раскинулась на берегу небольшой речушки. Там их поджидал товарищ, нетерпеливо поглядывавший на секундомер.

Кроме него, на полянке сидело несколько ребят из соседней деревни. Юные любители спорта, пришедшие сюда в столь ранний час, громко спорили.

— Да это бегуны! — заметил круглолицый паренек.

— Также сказал — бегуны! — авторитетно возразил мальчуган в выгоревшей футболке. — Думаешь, только бегуны бегают? А может, они футболисты или волейболисты. Видишь, мяч лежит!

И действительно, спортсмены, закончив бег, взялись за мяч. Но игра продолжалась недолго. Отложив мяч, спортсмены разбились на пары. Двое легли, а двое других взяли их за ноги. Первые упруго запрыгали на руках по траве. Это окончательно ввело в заблуждение ребяташек. Никогда не виденные ими упражнения следовали одно за другим. То спортсмены медленно бежали, высоко поднимая согнутые колени и мягко ступая на вытянутый носок, то, низко приседая, проходили по полянке, делали стойки на руках, переворачивались через голову.

После короткого отдыха спортсмены, пригибаясь и равномерно размахивая руками, быстро взбирались по крутому склону. Затем, раздевшись, вошли в реку и таким же шагом пошли по воде. Было что-то очень знакомое в этом широком, скользком шаге, в чуть согнутом корпусе, в размахе рук.

— Да это же лыжники! — воскликнул круглолицый паренек.

Слово «лыжники» прозвучало как-то неуверенно, оно совсем не вязалось с тихо журчащей речушкой и зеленым ковром лужайки.

Но это были лыжники. Участники сборной команды СССР мастера спорта Павел Колчин, Михаил Мизюкаев, Станислав Тихомолов и тренер Владимир Оботнин проводили очередное занятие.

Многие думают, что с приходом весны лыжники забывают о своем любимом спорте до следующей зимы. Но это не совсем так. Мастера-лыжники тренируются во все времена года. Год у них разбит на два периода — основной и подготовительный. Основной начинается с приходом зимы и длится до последнего снега. В это время лыжник

совершенствует свое спортивное мастерство на снегу. Подготовительный же период охватывает месяцы, когда нет снега. Лыжник, не прошедший тренировок подготовительного периода, конечно, не может рассчитывать на победу в зимних соревнованиях.

Как же лыжник тренируется весной, летом и осенью?

В этот период он занимается почти всеми летними видами спорта. Выносливость, скорость, силу, ловкость, координацию движений — качества, столь необходимые лыжнику, — можно воспитать в себе легкой атлетикой, волейболом, плаванием. Хороший лыжник должен быть разносторонним спортсменом. Недалеко такие мастера-лыжники, как Кузин, Колчин, Баранов, Терентьев и другие, имеют по несколько спортивных разрядов.

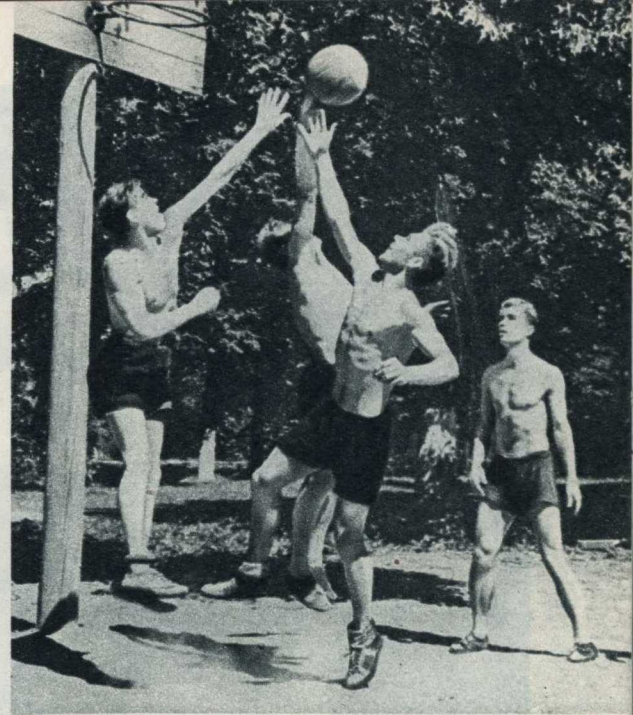
Весной, когда земля еще не пресохла, лыжники занимаются в гимнастических залах, участвуют в велокроссах. После ледохода прибавляется гребля, а позже, когда приходят теплые дни, — баскетбол, плавание, волейбол. Поздней осенью, с наступлением холодов, больше всего внимания лыжники уделяют ходьбе и бегу по пересеченной местности.

Динамовцы Павел Колчин, Михаил Мизюкаев, Станислав Тихомолов, за тренировкой которых с таким любопытством следили на полянке ребяташки, четыре раза в неделю собираются в Химках, на водной станции. Здесь имеются все условия для успешных занятий: плавательный бассейн, лодочная станция, баскетбольная и волейбольная площадки, беговая дорожка.

День у спортсменов начинается с короткой разминки на баскетбольной площадке. После нескольких минут игры лыжники переходят на беговую дорожку. Сначала преодолевают небольшие дистанции — 100—200 метров. Сразу же после бега, выполнив несколько гимнастических упражнений, лыжники приступают к отработке толчка. День заканчивается плаванием на 300—1000 метров или бегом на дистанции 3000—5000 метров.

Помимо занятий на водной станции, лыжники регулярно бегают кроссы по пересеченной местности. Они кропотливо оттачивают отдельные элементы лыжной техники, имитируя лыжный ход в воде и на крутых подъемах.

Слегка усталые уходят спортсмены с тренировок. Владимир Оботнин подводит итоги дня, сравнивая их с предыдущими. Результаты неуклонно улучшаются, но тренер с каждым днем предъявляет все более жесткие требования. Это и понятно: впереди зима, олимпийские игры в Италии.

Лыжнику необходимо хорошее дыхание. Поэтому в летние тренировки входит баскетбол.

Пусть нет снега, но подъем в гору можно имитировать и летом.

Бег по воде пользуется у лыжников особым успехом. Он отлично укрепляет ноги. А где, как не в плавании, укрепишь руки, научишься правильно дышать!

КАРТИНКА ИЗ ЖИЗНИ

Дипломная работа Валентины Шиповской

Обедя защитников, юный футболист прорвался к воротам. Еще секунда — и гол будет забит. Но вратарь смело бросается вперед, ловит мяч и, увертываясь, крепко держит его в руках. Неудачливый нападающий, падая, хватается вратаря за футболку, но этим уже не поможешь: ворота спасены...

Такой момент из игры дворовых футбольных команд изображает скульптура Валентины Шиповской «Опасный момент». Скульптурная группа привлекает к себе внимание живостью композиции, динамичностью, тщательностью изображения каждой детали, теплым, задушевым юмором.

Автор этой скульптуры Валя Шиповская с детства тянулась к лепке, рисунку. Еще пионеркой она вылепила легендарного героя гражданской войны Чапаева на коне. Девочка сумела передать в этой своей небольшой работе движение, неудержимое стремление вперед, несокрушимую волю героя к победе. Произведение было замечено общественностью. Валиного Чапаева в числе лучших детских работ отправили на Всемирную выставку в Нью-Йорк.

Закончив среднюю художественную школу, Валя поступила в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. Здесь, изучая историю искусства, основы марксизма-ленинизма, анатомию, она совершенствовала свое мастерство под руководством известного скульптора лауреата Сталинских премий М. Г. Манизера. Студентку особенно привлекают жанровые бытовые сцены. Шиповская лепит групповые скульптуры на темы «Семья», «Студенты», «Мальчики-рыболовы».

Молодой скульптор в своих работах старается добиться того, чтобы фигуры не жили обособленно, а находились в естественной взаимосвязи.

С наибольшей убедительностью ей удалось достигнуть этого в дипломной скульптуре «Опасный момент», получившей высокую оценку государственной комиссии.

Смотришь на эту скульптурную группу, на хитрое, лукавое и в то же время довольное лицо вратаря, на обескураженного нападающего, цепляющегося за футболку победителя, и перед тобой встает картинка, выхваченная из самой жизни.

Д. СМЕРНОВ

Переспав полуденный зной в шалаше колхозных пастухов, я искупался в ключевом бочажке и отправился на рыбалку. Шел через луг к Десне. День был ясный и тихий.

На песчаном прибрежье я увидел незнакомого мне рыбака. Это был шустрый загорелый паренек, одетый в выцветшую солдатскую гимнастерку и широкополую шляпу.

— Ну как, клюет? — спросил я.

— Да вот есть малость! — показал он на дно долбленки, где лежало в свежей траве несколько небольших окуньев.

Мы познакомились. Аркадий Рябинин оказался весьма занятным собеседником.

— А что это у вас за оружие лова? — спросил я.

— Ну, как вам сказать, ни то ни се! — застенчиво усмехнулся он. — Пожалуй, можете полюбоваться.

Снасть, которую держал рыбак в руках, для меня была новинкой. По своему устройству она напоминала нечто вроде спиннинга. Удилищем служил упругий можжевеловый шестик. К нему на толстом комле была прикреплена самодельная катушка размером ничуть не меньше столовой тарелки. С катушки сквозь проволочные пропускные кольца по шесту тянулся и уходил в воду витой пеньковый шнур. Все это сделано ладно и очень прочно. Я невольно заинтересовался:

— Неужели этой закидушкой на живца ловите?

— Зачем на живца! — вздернул Аркадий плечами. — Вот посмотрите!

Притормозив катушку, он натянул шнур, и тотчас на середине переката из воды выпрыгнули с пятаком серебристых блесен и ярко раскрашенных деревянных приманок. На том берегу туго

качнулся ивовый куст. Оказывался, шнур пересекал русло и там был привязан к кусту.

— Поняли? — озорно подмигнул глазом паренек.

— Странно, — развел я руками. — Неужели блесны играют?

— А то как же! — подтвердил он.

Я удивился. Известно, что при ловле рыбы на «дорожку» блесна тянется за лодкой на буксире, а с помощью спиннинга она забрасывается на длинной леске и затем подтягивается. И в первом и во втором случаях непременно требуется сила человека. Иначе металлическая приманка немедленно ляжет на дно. Однако молодой сметливый рыбак догадался использовать блесны совсем по-другому.

Аркадий смастерил снасть вроде перемета с блеснами. На длинной, перехватывающей реку бечевке паренек прикрепил на полуметровых подводках четыре блесны и три деревянные приманки. Ложкообразные блесны вырезал из пластинок дюралюминия, а сигообразные приманки с большими стеклянными глазками выточил из смолистых сосновых сучков. Блесны и приманки оснастил крючками-тройниками, а шнур-хребтину приладил к самодельному спиннинговому удилищу.

Под напором сильного течения блесны «играют» на глубине полуметра, а легкие приманки мечутся из стороны в сторону на самой поверхности течения. Как тут не соблазниться не только прожорливому окуню-горбачу, но даже и очень осторожному великану-жереху!

— А вам приходилось когда-нибудь ловить рыбу на всплеск? — спросил меня Аркадий.

— Слышал, что есть такой способ, но сам не ловил, — ответил я.

— Оригинальный прием! — воскликнул он и тут же продемонстрировал его.

Аркадий сделал легкий рывок удилищем. В то же мгновение, будто ускользающие от преследования мальки, блесны и приманки выскочили вверх и шлепнулись на упругие гребни переката. Сходство было удивительное. Именно на такие всплески берутся хищные рыбы.

Начинало вечереть, но, залюбовавшись ловлей на невиданную снасть-новинку, я забыл о своих удочках. Рыболов то отпускал шнур далеко по течению, то ускорял движение приманок, наматывая его на барабан катушки. И вдруг на середине переката послышался громкий хлопок. Удилище в руках Аркадия вздрогнуло, и хребтину потянуло против течения.

— Шереспер! — взволнованно прошептал паренек.

Засекшаяся рыба бросалась в стороны. Но сорваться с крючка такой снасти не так-то легко. С одного берега гибко пружинил ивовый куст, с другого — рыбак то подавал шнур в воду, то подматывал его обратно. Прошло минут 10—15, и в долбленке Аркадия лежал огромный красавец жерех, пойманный на деревянную приманку.

Еще раз внимательно осмотрев изобретение сообразительного юноши, я сказал ему:

— Стоящая у тебя снасть, Аркаша! Кстати, а как же ты ее назвал?

— Название придумал громкое, — засмеялся он. — Спиннинг-перемет! Как, удачно?

— Пожалуй, да! — согласился я.

П. СТЕФАРОВ

ХОРОШО КЛЮЕТ!

Фотоэтиюд Н. Коваленко, г. Хабаровск.

Главный редактор М. А. Величко.

Редколлегия: Г. Гулиа, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулемин, М. Луконин.

Оформление номера В. Максина.

Технический редактор О. Швова.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

А 04638.

Подписано к печати 27/VIII 1955 г. Тираж 250.000 экз.

Изд. № 696.

Заказ № 2149.

Формат бумаги 70 × 108½.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

МЫСЛИ И НАБЛЮДЕНИЯ ДЯТЛА

Рис. Е. Гурова.

Автомобиль служил для него не только средством передвижения, но и доказательством высоты его служебного положения.

Мелкодушкин, с сожалением рассматривая рваные носки, впервые в жизни серьезно подумал о женитьбе.

Новая квартира из двух комнат молодоженов не устраивала: в случае развода одна из комнат оставалась проходной.

ЛОМАЕТСЯ ГОЛОС...

По теме М. Лурье, г. Горький.

— Как он на вас кричит!
— Нет! Это просто у него ломается голос.

Дятел

Рис. Г. Козлова.

ЩЕГОЛ НА ПОЖАРЕ

Сгорела роща молодая почти дотла.
Свидетеля беды Щегла
В бору соседнем окружили птицы.

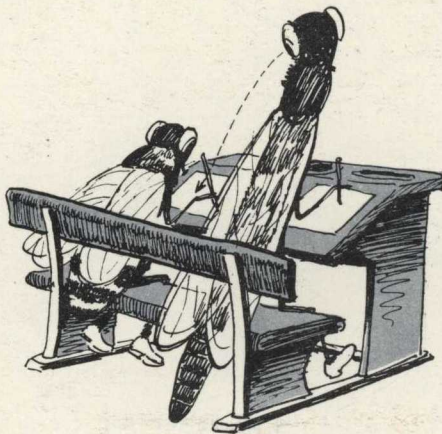
И вырывался вздох у Дятла иль Синицы,
Когда Щегол с необычным жаром
Рассказывал историю пожара.
— Что было, передать нет слов!
Огонь метался меж стволов.
Налево и направо
Косил цветы,
деревья,
травы!..

Признаюсь, натерпелся страха я.
Да зря!
Благополучно все сошло, друзья:
Хоть роща и сгорела,
Мое гнездо осталось цело!

Николай МИЗИН

г. Сталинград.

СТРЕКОЗА И ПЧЕЛА

коиться не может. Сидит скучная-прескучная, глаза трет, а потом как расплещется!
— Ох, ох,— стонет,— хоть бы Пчелка выздоравливала скорей! Как я без нее жить буду?

— Вы только посмотрите на Стрекозу! — удивился Комар.— Кто бы мог подумать, что эта хохотушка способна на такую дружбу!

Никто не знал, что Стрекоза неспроста плачет: она... списывала у Пчелы задачи.

В. РОСИН

г. Киев.

Пчела и Стрекоза учились в лесной школе и хотя сидели на одной парте, но не дружили между собой. Даже на переменах играли отдельно.

Но вот как-то Пчела простудилась и не пришла в школу.

— Ничего,— сказали в классе,— беда не велика, если и пропустит денек-другой. Пчела ведь отличница, наверстает...

Посетовали ученики о больной подружке и перестали, одна Стрекоза никак успо-

Цена номера
2 руб.

